

Владимир Волхов
Истинный Монах

Владимир Волхвов

Истинный Монах

«Издательские решения»

2015

Волхов В.

Истинный Монах / В. Волхов — «Издательские решения», 2015

Молодой послушник Рольт честно пытался стать монахом, истинным монахом. Но мир изменился и поставил его перед выбором: умри или адаптируйся. И он решил выжить во что бы то ни стало... Хотя в грязи и пороках разлагающегося мира Рольт нашел истинную любовь, его нестигаемость приводит к глобальной катастрофе – возвращению гневливых богов.

© Волхов В., 2015

© Издательские решения, 2015

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	11
Глава 4	15
Глава 5	17
Глава 6	21
Глава 7	26
Глава 8	29
Глава 9	32
Глава 10	34
Глава 11	36
Глава 12	41
Глава 13	44
Глава 14	46
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Истинный Монах

Владимир Волхов

© Владимир Волхов, 2015

© Михаил Евгеньевич Кухтин, дизайн обложки, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

Глава 1

Памяти Ильи Козловского посвящается

Жизнерадостное мартовское солнце заливало своим мягким светом одну из многих маленьких комнат замка Зерет. В ней на жесткой, односпальной кровати лежал молодой послушник Рольт. Он беспечно разглядывал, как тень листвы, растущего за окном дерева, тихо подрагивает на руке. В этот славный весенний день душу его пьянило ощущение, что все возможно, что все еще впереди, и все будет непременно хорошо. Каждая случайная мысль вызвала беспричинную радость и смех.

Загадочным название этого мира слыло потому, что в праязыке слово «соретус» означает «темница». Как получилось, что целая планета получила такое неблагоприятное название, кто именно его дал, – никто этого не знал, но слово настолько прочно вошло в обиход, что уже никак нельзя было представить, что Соретус можно называть как-то иначе.

Среди прочих миров Соретус был примечателен тем, что в нем бок о бок с обычными людьми жили маги. Тех, кто не обладал магическими способностями, называли кутами. Их было подавляющее большинство. Нетрудно догадаться, как это самое большинство относилось к тем, кто умел подчинять себе законы природы.

Формально маги были обязаны посвятить свою жизнь и способности тому, чтобы постичь «Невыразимую Истину» – знание, которое объясняло, зачем все живое существует, и что всех нас ждет после смерти. На деле же редко кто из них хотел заниматься скучными медитациями или углубленным изучением философии. Обычно маги направляли свои колдовские способности на получение удовольствий, порой даже извращенных, либо же пытались обрести власть над кутами, которые взирали на них, как на полубогов.

Однако в своих желаниях магов постоянно сковывал особый свод законов, по легенде, оставленный им в древнейшие времена самими создателями этого мира. Называемый Пределом, свод устанавливал ряд серьезных запретов именно для магов. Например, нельзя убивать кутов, нельзя напрямую участвовать в их войнах, нельзя использовать сильнейшие заклинания, которые меняют реальность. Кроме того, магу запрещено становиться королем. Предел содержал и многие другие ограничения, направленные на то, чтобы сделать из магов монахов. Но, как и все люди, они в тайне желали только власти и плотских наслаждений.

О самоконтроле не могло быть и речи, поэтому в незапамятные времена в облаках был построен роскошный замок под названием Зерет, или Чистилище. В нем жили самые уважаемые маги, составлявшие особый Совет, который должен был следить за соблюдением правил Предела. Нарушители закона предавались суровому суду, который мог за серьезные проступки даже лишить мага жизни.

Именно в этом замке, на втором его этаже, в тесной, но уютной, комнате лежал Рольт, радовавшийся весеннему солнцу. Он был молод, особенно по меркам магов, – всего 21 год. Конечно, этот парень не состоял в Совете и был всего лишь учеником, но учеником не кого-нибудь, а самого Верховного Судьи – Хартеха.

Никто точно не знал, почему старик взял Рольта на попечение и так долго возится с ним, ведь парень не проявлял талантов в магии и не подавал никаких надежд на то, что что-то в нем изменится. Он не сумел отличиться ни в одной области магии или философии. По всем признакам, из него должен был выйти заурядный маг, который максимум, на что был способен, – это разжечь огонь без спичек или развлекать сельских жителей фейерверками. А многие маги были уверены, что в Зерете нет места посредственностям.

Однако Хартех упрямо носил свои тайные мысли на этот счет и только ласково улыбался на недоуменные вопросы друзей. «Не всякая сила бросается в глаза, – часто говорил он. – Вели-

ким могуществом обладают сокрытые способности, потому что их предел невозможно охватить». На это маги-приятели только пожимали плечами, хотя все же старались вскоре лишний раз встретиться с Рольтом, но, увы, только для того, чтобы вновь убедиться – парень не может концентрировать ни волю, ни мысли.

Тем временем на главной башне раскатисто и мелодично прогудел колокол. Рольт нехотя приподнялся с кровати и посмотрел на улицу. Сквозь ветки деревьев проглядывала главная площадь, по которой ходили маги. Как это бывает, казалось, что у этих незнакомых людей нет таких серьезных проблем, как у тебя, и очень хотелось подсмотреть за ними и понять, чем они живут. Площадь оканчивалась роскошной Аркой, служившей единственным телепортом на землю. Позолоченные сваи ее блестели, отражая во все стороны мягкие солнечные лучи.

«Почему мне так радостно, хотя все плохо? – думал Рольт, разглядывая узор Арки. – Глупость какая-то. Почему весной всегда так бездумно хорошо и радостно?»

Он встал с кровати, сосредотачивая мысли на предстоящем суде и поправляя помявшийся скромный балахон послушника. Во время заседания у Рольта не было особенных обязанностей. Нужно было всего лишь стоять около Верховного Судьи, выполняя его простые поручения в духе «принеси-подай».

«И зачем только я нужен Хартеху? Чувствую себя придворным шутком. Весь замок уже либо смеется надо мной, либо презирает, а старик все никак не хочет отпустить меня на землю».

Дверь, скрипнув, закрылась за его спиной, оставив Рольта наедине с полумраком коридора, встретившим его приятной прохладой. Прислушиваясь к звукам, доносившимся изнутри закрытых келий, он спешно зашагал в конец коридора, к яркому свету, который падал в замок сквозь стеклянную крышу над пролетом главной лестницы.

То справа, то слева периодически открывались двери, оттуда выходили задумчивые маги, но Рольт старался не встречаться с ними глазами, боясь натолкнуться на немой упрек в собственной никчемности. Голова постепенно тяжелела от неприятных мыслей. Поднявшееся было благодаря весеннему дню настроение стремительно улетучивалось. И вот уже прохлада коридора постепенно усиливалась холодом встречаемых людей, и кожу начали покрывать неприятные мурашки.

Совсем уж скверно к молодому магу стали относиться после того, как неизвестный совершил недавно нападение на судью Далута прямо в стенах замка. Единственным, кто видел преступление и находился в тот момент рядом, был Рольт, но он не смог сделать ровным счетом ничего: ни задержать преступника, ни помочь Далуту. Парень настолько растерялся, что забыл все заклинания. Мысли бегали в его голове, перебивая одна другую, и ни одна из них так и не смогла привести Рольта к действию. Оглушив судью неожиданным заклинанием, нападавший убежал, сквозь маску кинув на Рольта презрительный и невероятно знакомый, не выходящий из головы взгляд. Наверное, молодой маг уже тогда понял, кем был преступник, но боялся себе в этом признаться, тешимый юношескими иллюзиями любви.

Раненый Далут пережил то покушение гораздо легче, чем вовсе не пострадавший Рольт. Хотя старик Хартех все равно остался спокоен и невозмутим в отношении своего послушника, остальные маги почти возненавидели Рольта, начиная подозревать Верховного Судью в тайной связи с «симпатичным пареньком». Такие сплетни раздражали молодого мага до скрежета зубов, заставляя беспричинно краснеть на людях и нелепо злиться на всех окружающих и, главным образом, на самого себя.

На лестнице толпа смешалась в упругий поток людей, спускавшихся в главный зал. Рольту стало еще неудобнее, он уткнулся взглядом в худую спину идущего впереди мага и старался не поворачивать голову. Но подобное отчуждение привело лишь к неприятностям. Не заметив, что его пытаются обогнать, Рольт столкнулся с молодым дерзким магом Целиртом, который, как поговаривали, любил пробираться по ночам в кельи послушниц, парализовывать

их, и дальше уже делать с беспомощными девушками все, что приходило в его озабоченную голову.

– Глаза разуй! Хотя бы это у тебя должно получиться! Это же гораздо легче, чем старика ублажать. Или ты наедине с ним обычно глаза закрываешь?

Вокруг раздалась смешки. На душе у Рольта стало совсем погано. Он и готов был поссо-риться с этим наглым ублюдком, и в то же время понимал, что тот прав в чем-то главном. Все они правы – Рольт занимает не свое место. Он здесь лишний. И если бы не протекция Хартеха, парня давно бы выкинули из столь уважаемого заведения, где должны служить только лучшие из лучших.

Проглотив обиду, Рольт опустил глаза и молча пошел дальше, окончательно решив сегодня же попрощаться с учителем, чтобы уйти из небесного Зерета на бrenную, но любящую обычных людей землю.

Толпа магов влилась в просторный зал, быстро заполнив его до самых стен. Кроме судей, в замке постоянно проживало немало народа: следователи, друзья преступников, просто зеваки, которым было интересно посмотреть на сам суд и, если повезет, на казнь мага. Рольт, как почетный послушник, отделился от толпы и встал около Верховного Судьи.

Глава 2

Одетый в нарядную белую мантию, Хартех величественно поднялся в полный рост. Он занимал самую важную и главную должность среди магов. Над Верховным Судьей не было никого. Его слово – всегда решающее, и потому обязано быть мудрым. Выглядел Хартех соответствующе статусу. В его глазах, помимо властности, читалась незлобивость, черты лица хотя и были жестки, но знали и морщины сострадания. Нравственно непростая работа судьи истощила, высушила его тело, но она же давала силы, чтобы не превратиться в уже ничего не желающего старика.

Стоило Хартеху поднять правую ладонь, как шум в зале немедленно стих. Верховный Судья оглядел сначала коллег, сидевших около него, словно проверяя, все ли на месте, потом неторопливо прошелся взглядом по толпе собравшихся людей и громко произнес, тщательно выговаривая каждое слово:

– Сегодня мы будем рассматривать непростое дело. Преступление, совершенное три дня назад, нарушило множество правил Предела, – он сделал паузу, сглотнув слюну. С годами становилось все сложнее четко выговаривать слова. – И наказание за него будет суровым!

Замершая было толпа снова зашевелилась, зашептала. Одни осуждающе качали головами, другие с трудно скрываемым блеском в глазах ждали развязки, третьи, составлявшие большинство, которое уже пресытилось подобными зрелищами, безучастно смотрели на судей и лениво перебрасывались между собой ничего не значащими словами. Суд был для них чем-то наподобие театра.

К своему несчастью, осматривая магов, Рольт заметил Ланту – молодую девушку с вызывающе красивым, гибким телом и дерзкими, почти кошачьими глазами. Она перехватила его взгляд и ответила на него всем презрением, которое только могла выразить. Девушка тоже считала Рольта жалким неудачником. Неразделенная любовь была еще одной постоянно гноившейся раной на его душе.

– Итак, суть преступления состоит в следующем, – медленно продолжал тем временем Хартех. – Некий маг, укрывшись в Желтой Пустоши, творил заклинания высоких уровней. Он породил небольшой ураган, затем вызвал огненную бурю, а также летал и разбрасывал камни на километры вокруг. Кроме того, преступник молнией расколол скалу, после чего даже вызвал неуправляемую грозу. Все это он делал, конечно, с перерывами, но делал так, словно желал нарушить как можно больше запретов Предела. И у него это получилось. Теперь нам придется провести расследование и выяснить, кто этот преступник. Благо, следов он оставил предостаточно.

Зал замер мертвенной тишиной. Каждый будто опасался, что подумают именно на него. Озвученный список впечатлил присутствующих, мастерством и дерзостью преступника втайне восхищались. Неожиданно для всех от толпы отделился и вышел вперед Токус – маг известный и многими уважаемый за свои нетривиальные способности.

– Это сделал я! – с силой, чтобы услышали даже в последнем ряду, выкрикнул он. – И это доставило мне невероятное удовольствие, кстати сказать. Надо будет как-нибудь повторить.

В последовавшей минуте тишины Хартех и Токус внимательно изучали друг друга. Рольт, как и весь зал, вглядывался в мага-отступника. Около сорока лет, с волевым лицом, выразившим смелость и непоколебимую уверенность в себе, он стоял, словно герой Древних Войн, словно титан, бросивший вызов гневливым богам. Глаза его источали внутреннюю силу, губы надменно искривились. Такая твердость заставила некоторых судей смутиться, засомневаться в себе, как если бы они пытались осудить невиновного – все-таки Токус не причинил никому зла, а им предстояло надолго посадить его в тюрьму.

Не сводя глаз с преступника, Рольт в душе позавидовал отважному и одаренному магу. Как назло, Ланта стояла именно рядом с ним. Взгляд ее с вызовом пробежал по судьям, словно говоря: «Вот настоящий мужик, не то, что вы, слюнтяи».

Один только Хартех был так же непоколебим, как маг-отступник. Лицо Верховного Судьи выражало спокойствие и неотвратимость наказания, исполнять которое ему поручили словно сами боги в личной беседе. Вид судьи внушал смесь трепета и уважения. Никто не сомневался, что мудрый Хартех осудит именно так, как нужно осудить это преступление.

– Что ты можешь сказать в свое оправдание?

– То, что я маг, и не вам судить меня. Вы подчиняетесь закону, который непонятно кто и когда создал.

– Его написали боги.

– «Боги!» – махнул рукой Тогус. – Какие боги! Все это сказки для дураков. Столько столетий прошло, видел ли за это время кто-нибудь хоть одного бога в нашем мире?

– Они покинули Соретус после битвы с титанами.

– Потому и не видели, что их нет! – продолжал Тогус, не слушая его. – Вы год за годом сажаете и убиваете своих братьев из-за какой-то дурацкой книжки. Можно ли придумать что-нибудь глупее? Пусть *боги* убьют меня, если я действительно так сильно им насолил. Но кто дал *вам* право осуждать нас и бросать в тюрьму?

Верховный Судья внимательно оглядел магов, толпившихся в зале. Все они жарко, с трепетом обсуждали поступок Тогуса и его слова. По опыту решив, что подобный спор лучше не затягивать, Хартех развел руки и кротко ответил:

– Древнейшие маги поручили нам исполнять волю богов. Не нам спорить с мудростью их решений... Но перейдем к делу. Готов ли ты добровольно отдать себя в руки правосудия?

В ответ Тогус зло плюнул на пол перед собой.

– Да!

– Тогда до тех пор, пока мы еще раз не обсудим все обстоятельства дела и не вынесем своего решения, тебя отведут в комнату размышлений.

Так назывались одиночные камеры, куда приводили тех, кому еще не вынесли приговор. На их стены и двери были наложены сильнейшие заклинания, не позволявшие магу сбежать. Кроме койки, в такой комнате не было ничего. По своей сути, это была обычная камера для преступников, коими и считались все, кто переступил Предел.

К Тогусу подошли два рослых мага-охранника в темно-зеленых боевых плащах и кивнули ему идти вперед.

– Несправедливость не может торжествовать вечно! Когда-нибудь ей приходит конец! – выкрикнул, уходя, отступник.

Хартех глубоко задумался, поглаживая свою окладистую белую бороду. Каждый новый вывод, который он делал из вороха мыслей, наполнявших его голову, был хуже предыдущего. Не зная всего, он улавливал главное – вскоре произойдет что-то мерзкое. Коротким знаком он позвал к себе Рольта и, нагнувшись, прошептал:

– Иди за ним. Может, услышишь что-нибудь важное. Не нравится мне вся эта история.

Столь непривычные старику задумчивость и легкая настороженность, не на шутку взволновали ученика. Кожей ощущая ненависть толпы, или только придумывая ее, Рольт поспешил вдогонку за арестованным, который уже скрылся в коридорах замка.

– Объявляю получасовой перерыв, – эта обыденная для судьи фраза стала последним, что услышал Рольт из уст своего старого и мудрого наставника Хартеха.

Глава 3

Комната размышлений находилась в подземелье. Решетка тихо скрипнула и спрятала Тогуса в темноте камеры. Охранники скусающе уселись на стулья в углу коридора и принялись играть в кости. Они были единственными законными боевыми магами, о чем говорило наличие у каждого из них фокусатора – так называлась любая вещь, которая может увеличить силу твоего заклинания. У охранников традиционно этим служил меч. Фокусаторы были опасным оружием, и иметь их разрешалось только охранникам Зерета.

На вошедшего Рольта они потратили ровно один взгляд, так как давно привыкли к парню. Охранники обращались с ним гораздо лучше, чем остальные, – просто равнодушно, что для измученного нездоровым вниманием парня уже было немало.

На сердце Рольта чуть полегчало от малолюдной тишины. Он подошел к камере и всмотрелся в ее полумрак. Маг-отступник уверенно стоял перед решеткой, глаза его пылали магическим огнем – подобное происходило, когда маги испытывали слишком сильные чувства.

– А, щенок Хартеха, – презрительно бросил он, не двигаясь с места. – Пришел посмотреть на настоящего мага?

– И вы туда же, – устало сказал Рольт, садясь на табуретку около камеры. Решимость покинуть Зерет придала ему немного смелости и разговорчивости. – Все говорят одно и то же день за днем. Я-то сегодня уйду из замка, не волнуйтесь. А вот вы можете остаться здесь надолго, «настоящий маг».

В ответ лицо Тогуса просияло, он неожиданно весело рассмеялся и, резко схватившись за прутья решетки, приблизил к парню лицо:

– А что если все будет с точностью да наоборот?

– К чему эта бравада? – повидавший многих преступников Рольт не испугался. Он спокойно прислонился спиной к холодной стене и прижал к ней даже голову, чтобы хоть чуть успокоить неприятно разгоревшееся от стыда тело. Нередко осужденные до того, как им зачитают приговор, вели себя развязно, нагло. Наверное, думал Рольт, это помогает им скрыть свой страх. После же того, как судья объявлял наказание, преступники часто прямо на глазах опали, уходили в себя, или, наоборот, начинали унижаться и просить пощады.

– Ты не только не маг, ты еще и дурак, – проговорил Тогус. – Разве я похож на того, кто так бессмысленно ломает свою жизнь?

– О чем вы? – наконец встревожился Рольт. Вспомнив слова наставника, он стал внимательнее обдумывать все, что тот говорил, и даже повернулся, чтобы лучше рассмотреть его лицо.

– Смотри сюда, – Тогус сложил и медленно развел ладони. Между ними появилось небольшое облачко с изображением покоев Верховного Судьи. Старик сидел за столом, обхватив голову руками. Разглядывая портрет Рольта, Хартех что-то задумчиво шептал.

– Как тебе удается подглядывать за ним?! Там же установлена защита! – вскочил с табуретки Рольт.

– Ерунда, не это главное. Смотри, что будет дальше.

На переднем плане картинки появился судья Далут. Положив левую руку Хартеху на плечо, он сказал:

– Я понимаю, как тебе тяжело. Я пришел, чтобы облегчить твои муки.

Верховный судья удивленно поднял на него глаза. С перекосившимся лицом Далут резко дернул правой рукой, из-за его спины не было видно, что именно он сделал, но тело Хартеха словно ударила молния, старик содрогнулся. Далут сделал еще несколько резких движений. Неловко схватив его руку, Верховный Судья попытался всмотреться в глаза стоявшего над ним мага. Вдруг изо рта Хартеха полилась кровь, густой алой струей окрашивая седую бороду.

– Нет! Наставник! – от неожиданности вскрикнул Рольт, протянув руки к картинке. Но старик не услышал его.

– Прости. Меня заставили, – тем временем Далут отошел в сторону, в руке его блеснул окровавленный кинжал. Теперь стало видно, как на белоснежной мантии Верховного судьи багровели неровные, с чернотой пятна, испускавшие из своей утробы ручейки свежей крови. – Времена меняются слишком быстро. Чтобы выжить, нужно под них подстраиваться. Этого-то ты никак не мог понять. А я... Я просто хочу жить.

Хартех провел блуждающим взглядом по комнате и вдруг уставился прямо в ту точку, из которой на него смотрел Рольт. Тело парня пробрал обжигающий мороз. Старик попытался что-то сказать, но, выпустив изо рта лишь кровавые пузыри, упал лицом на пол.

– Это не может быть правдой! – заорал Рольт.

– Да-да, тешь себя надеждой, никчемьш, – отступник, усмехнувшись, хлопнул ладонями, и картинка исчезла. – В эту минуту многие судьи умирают точно так же, как твой хозяин.

Тогус лениво потряс кистью руки, и в воздухе одна за другой появились новые картинки, на которых судьи Совета либо уже лежали мертвые, либо боролись в предсмертной агонии со своими убийцами.

Наконец сообразив, что нужно что-то делать, Рольт рванулся к выходу из подземелья. Но охранники перегородили ему дорогу, достав из ножен мечи. Ничего не говоря, с привычным отчуждением на лице, они смотрели на него, давая недвусмысленно понять, что мимо них пройти не получится.

– Что? Что это значит?

– Это значит, – сказал за спиной Тогус, спокойно выходя из камеры. – Что я победил, и Совета больше нет! Все важные судьи убиты, либо состоят в сговоре со мной. Отныне Предел не будет диктовать магам, как жить.

Подобно затравленному зверю, Рольт смотрел вокруг, не зная как быть и что делать. На глаза раз за разом попадались кости, небрежно раскиданные на столе. «Кости брошены» – зачем-то вспомнилось ему древнее изречение. Никаких других, более подходящих мыслей в голове не было. Не спеша маг-отступник подошел к нему и, приподняв руки вверх, весело воскликнул:

– Радуйся, малыш, наступают новые времена!

Дверь подземелья распахнулась и по лестнице вниз сбежала женская фигура. Рольт не сразу понял, что это Ланта. Когда же до него дошло, что именно это означает, он ощутил почти физическую боль. Девушка, которую он любил, причастна к убийству наставника – вряд ли можно было придумать что-нибудь хуже для его изрезанного неудачами сердца.

– Все кончено, господин, – легко поклонившись, сказала она Тогусу.

– Зачем ты кланяешься ему? – нелепо выкрикнул Рольт. – Он же подлец!

И охранники, и маги-отступники секунду удивленно смотрели на него, потом переглянулись и хором рассмеялись. Наивность Рольта веселила их и вызывала к нему презрение. Но молодой маг этого не понимал и лишь с ненавистью разглядывал их мерзко веселые лица.

– Кто я – решит история, а не ты, позор нашей расы, – через плечо бросил Тогус, направляясь к выходу. Охранники поспешили за ним.

– А с ним что делать? – спросила Ланта, все еще не двигаясь с места.

– Каждый волкодав был когда-то щенком. Нет нужды рисковать и проверять правдивость этой пословицы. Убей его.

Дверь хлопнула, Ланта и Рольт остались наедине в темноте среди пустых камер. Парень с удовольствием всматривался в лицо девушки. Несмотря ни на что, он все еще любил ее. Даже произнесенный смертный приговор не мог заставить Рольта поверить в то, что Ланта может причинить ему вред. По-юношески восторженно он полагал, что они созданы друг для друга,

и девушка еще просто этого не поняла. Как ей это объяснить, он пока не знал, но старательно подбирая слова.

Однако Ланта не ждала слов, она смотрела на него с привычной надменностью. Невнятные попытки завести разговор разбивались о ее холодную усмешку. Похоже, она уважала только силу, и ненавидела тех, кто не мог за себя постоять.

Неожиданно все тело Рольта словно бы ударила молния, разбившись на миллиарды колющих кожу мурашек. Только сейчас он со всей отчетливостью понял и осознал, что именно произошло: Хартеха, учителя, который столько лет заботился о нем, как о собственном сыне, только что подло убили ножом в спину. Старика больше нет. Совсем нет. Как нет, наверняка, и многих других важных членов Совета. Всех их Рольт знал, многих любил и уважал – в Зерете жили действительно достойные маги... если не считать таких, как Далут. Что же будет теперь? Как жить дальше? Паника охватила сознание Рольта. Паника вперемешку с ненавистью и неизвестно откуда взявшимся желанием кровавой расправы над предателями.

– Умри, дурачок, – прервала ураган его мыслей Ланта и взмахнула в его сторону своей гибкой рукой, на которой красовалось дорогое кольцо – подарок Тогуса, служивший ей фокусатором.

В это мгновение Рольт наконец подумал о том, что сейчас умрет. Вот воздух перед ним уже закружился, превратился в струю направленного огня, который сожжет его тело, отправив душу в небытие. Что-то словно сломалось внутри него. Охватившая сердце паника исчезла, ее место заняла холодная ненависть, прояснившая разум. Эта злость не клокотала, не туманила глаза. Сжав время, она вошла в его душу степенно, по-хозяйски, в одно мгновение изменив Рольта, превратив его из романтика в того, кто сможет выжить в этом жестоком мире. Если раньше тело молодого мага почти физически, даже в движениях, сдерживали оковы неуверенности, слабости, сомнений, то теперь, когда, кроме жизни, терять уже было нечего, он раскрепостился. Рольт позволил вырваться на свободу своей истинной натуре, которая пряталась за воспитанием, мудрыми наставлениями Хартеха и попытками быть кем-то абсолютным – справедливым, мудрым и добрым, как того хотел наставник.

Встречным взмахом руки Рольт разорвал пространство, сделав в нем небольшую дыру, сквозь которую был виден космос, – темнота в ней была столь же пугающей, как и изменившийся взгляд молодого мага. Именно в дыру, так и не долетев до Рольта, устремился, исчезая, поток опасного огня. На подобные заклинания высшего порядка были способны лишь единицы магов, причем колдовать их Предел запрещал строжайшим образом. Красивые глаза Ланты удивленно округлились. Но прежде чем она сообразила, что делать дальше, Рольт, случайно вспомнив о ночных похождениях Целирта, вторым взмахом руки парализовал все ее тело. Девушка замерла на месте, двигая только растерянными зелеными глазами.

На душе Рольта стало легко как никогда. В сто раз легче, чем сегодня утром, когда он беспечно лежал у окна. Он словно нашел себя, настоящего себя, помирился с ним и из двух человек превратился в одного. Может быть, не в самого правильного и доброго, но в самого себя. Ощущение цельности и уверенности в своих силах доставляло ему бесконечное удовольствие. Пока еще Рольт не до конца понимал, кто именно этот новый человек в его теле, который явно не был добродетельным и не пытался им стать, но зато спас телу Рольта жизнь и помог наконец вдохнуть воздух полной грудью, перестав по-монашески размышлять и беспокоиться о том, что сосед из-за этого может задохнуться без кислорода.

– Ну что, моя дорогая, – окрепшим, насмешливым голосом сказал он, подходя к Ланте, – не так-то просто оказалось убить «дурачка»?

К презрению в ее глазах примешалась заинтересованность. Девушка пыталась понять, что произошло с Рольтом, почему он так резко переменялся, но ответ не приходил ей в голову.

– Ты мне всегда нравилась, – с досадой сказал он, проводя пальцем по нежной щеке девушки. Обуреваемый поднимающимися изнутри чувствами, он коснулся ее алых губ. – Может, мне воспользоваться положением?

Рольт рукой обхватил ее талию и прижал к себе беспомощную Ланту, почувствовав жар и сводящий с ума запах ее тела. Глаза девушки зажглись ненавистью. Оглядев ее фигуру еще раз, молодой маг нежно прошептал ей на ухо:

– Не бойся, шучу. Но за то, что ты пыталась меня убить, я в праве получить от тебя компенсацию...

Отодвинувшись, чтобы еще раз быстро оглядеть лицо девушки, он тут же рывком прижал ее голову и с наслаждением, желая распробовать вкус, поцеловал Ланту, упиваясь ураганом чувств, клокотавших в ее замерших глазах. Затем, не оборачиваясь, Рольт направился к выходу. У самой двери он остановился и крикнул:

– Да! И это, конечно же, ты тогда напала на Далута. Запугали судью, чтобы он стал шелковым, да? Надо бы выпороть тебя. Но в другой раз.

Паралич уже отпустил лицо девушки, онемевший язык заворочался в пересохшем рту. С усилием она хрипло крикнула ему вдогонку:

– Я убью тебя!

– Нашел в кого влюбиться, – со злостью пробормотал Рольт, закрывая за собой дверь темницы.

Глава 4

Рольт еще раз прислушался к внутренним ощущениям. Казалось, что душа совершенно опустела, в ней не осталось никаких чувств, никаких мыслей – одно только желание действовать. И Рольт действовал.

Так как в замке его узнает каждая собака, он поспешил спрятаться, открыв дверь первой попавшейся комнаты. Но она была не пустой. Нос к носу Рольт столкнулся с тем самым Целиртом, который еще совсем недавно мог безнаказанно издеваться над ним и прилюдно оскорблять. Как только в замке закончились убийства, начался грабеж, так что Целирт, бесцеремонно переворачивая все вокруг, искал, чем поживиться в чужой, пусть и не богатой комнате.

– А ты почему еще не сдох? – удивился он.

– Уж извини, – весело ответил Рольт, ударом силовой волны отбросив его назад. – Даже в этом деле я не оправдываю ничьих надежд.

Сидя на полу, пораженный Целирт только хватал ртом воздух, не в силах собраться с мыслями для ответного удара. Рольт схватил со стола увесистый графин и занес над головой упавшего.

– Может, ты меня подменишь? – лицо Рольта вновь стало бесстрастным, он обрушил графин на голову Целирта. Из пробитого черепа заструилась кровь.

Все еще держа в руке окровавленный графин, Рольт с удивлением подумал о том, насколько же сильно он изменился. Испугавшись, что окончательно утратил все моральные барьеры и превратился в маньяка, он отбросил графин и, с трудом обуздав свою ярость, поспешно прошел мимо полуживого, потерявшего сознание Целирта.

Найдя в шкафу коричневый балахон с капюшоном, какие выдавали обычным служкам замка, Рольт быстро переоделся и выбрался через окно в парк. Однако он очутился на заднем дворе, а спасительная Арка, через которую только и можно было убежать отсюда, находилась напротив главных дверей небесного замка.

Создатели Зерета приложили титанические усилия, чтобы построить и заколдовать Арку. Из просто удобного средства передвижения она превратилась в объект изучения, стала живой книгой магии, посмотреть на которую постоянно приходили волшебники со всех концов света. Достаточно подумать о месте назначения, и Арка перенесет тебя туда. Правда, скорость перемещения, хотя и была очень высокой, но все же зависела от расстояния. Это означало, что Арка не телепортирует, а только быстро переносит человека.

Чтобы добраться до нее, предстояло пройти по парку и обогнуть правое крыло замка. Натянув поглубже капюшон и потупив взгляд, Рольт нарочито спокойно зашагал по узким грунтовым аллеям. На скамейках и в тени пышных деревьев на его пути встречались группы магов, которые живо беседовали между собой о происшедшем. Очевидно, в большинстве своем люди не представляли, как реагировать. Им нужен был человек, который бы объяснил, как ко всему этому относиться, и который бы возглавил их. Таким был Хартех, таким, наверное, теперь станет Тогус.

На Рольта никто не обращал внимания. Те, кто предал Совет и искал врагов, сейчас находились в замке и уже дрались друг с другом за богатые трофеи убитых. Те же, кто шептался в парке, думали только о том, как самим выжить в царящем хаосе.

Обогнув замок, Рольт вышел на просторную площадь, встречавшую и провожавшую всех посетителей Зерета. В самом начале ее и стояла Арка. Масштаб случившегося был хорошо заметен по тому, сколько магов толпилось около нее, спеша покинуть ставший опасным замок.

Сердце Рольта забилось раза в два быстрее, когда он приблизился к толпе магов, сгрудившихся около Арки. Если кто-то узнает его и просто выкрикнет его имя, Рольту конец. А маги, ждавшие очереди, от нечего делать как раз и рассматривали соседей. Тот, кто скрывает голову

капюшоном и опускает взгляд, не может не привлекать внимания. К тому же, выяснилась еще одна неприятность: около самой Арки стояли знакомые Рольту охранники темницы, проверявшие лица всех, кто хотел покинуть замок.

Прежний Рольт в такой ситуации скис бы и отчаялся, но только не новый. Со злой силой сжав и распахнув кулак, он быстро, чтобы никто не заметил, выпустил поток пламени, который, огибая толпу, побежал по мощеной площади.

Огонь вызывает одну и ту же реакцию позади толпы, что кутов, что магов, – панику. Кроме того, ждавшие своей очереди люди решили, что их хотят убить, как только что убили всех, кто был на стороне Совета. В общем, началась давка – маги, крича и ничего не замечая на своем пути, устремились к Арке, сминая охранников и замешкавшихся соседей.

Теперь на Рольта никто не обратит внимания. Он уверенно шел к телепорту и, чувствуя переполняющую темную силу, бесцеремонно отбрасывал особенно напивавших на него магов. Одного из охранников затоптали, его истекающее кровью, покрывшееся темным синяками тело лежало прямо на пути Рольта. На секунду остановившись перед ним, Рольт с удовольствием взгляделся в его умирающие глаза. Всех, кто причастен к гибели его наставника, молодой маг искренне ненавидел и ни капли не жалел. Кажется, охранник узнал парня, глаза его на секунду расширились, рот округлился, пытаясь что-то произнести. Не меняя направления, Рольт наступил ему на грудь. Из-под ног донесся хриплый вскрик. Не обращая на него внимания, молодой маг подошел к выходу.

Рольт в последний раз попытался бросить взгляд на Зерет, который столько лет был для него пусть и неудобным, но все же домом, однако увидел лишь толпу напивавших, шумящих людей. Вздохнув, он шагнул в телепорт, навстречу новой, трудной жизни.

Глава 5

На Соретусе было много государств. Как больших, цивилизованных, развитых, так и мелких, варварских. На своем континенте Тамрия считалась сильнейшей страной запада. Затерянное среди лесов, с мягким климатом и спокойными людьми, это королевство нередко оказывалось в центре мировых событий. Но все же местные люди, как правило, жили спокойно, ведя войны только с теми, кто им угрожал.

Королевскую семью – Патомитов – любили как простые люди, так и вассалы. Не то, чтобы правитель был как-то особенно щедр или милостив, но ничего лишнего он не требовал, а это уже по достоинству ценилось в мире абсолютной власти.

Среди прочих вассалов короля герцог Нерит Куранит выделялся сильной армией рыцарей, которую готов был собрать в своих владениях по первому же зову правителя Тамрии. У герцога было немало собственных вассалов, достаточно верных ему. Но постепенно люди перестали его уважать из-за того, что после смерти жены Нерит совершенно разучился обуздывать свои пошлые порывы.

Именно в Умрэ, город с фамильным замком Куранитов, телепортировался Рольт. У него не было друзей среди магов, но зато был один среди кутов. Это вызывало у многих удивление, так как обычно маги достаточно надменны по отношению к простым людям.

Лучшим другом Рольта был его ровесник – Маркус Куранит, сын герцога. Они виделись нечасто, но всегда с удовольствием, потому что понимали друг друга без слов и уважали без условий. Правда, обоим еще предстояло проверить дружбу на прочность, повзрослев и узнав, какие же они оба есть на самом деле...

День, в который прибыл Рольт, оказался траурным даже в герцогстве. Люди в городе плакали и сокрушались, восклицая:

– Наша девочка умерла! Ей бы жить да жить! – так могли говорить только о Тильде – сестре Маркуса.

Еще одна частичка сердца Рольта отмерла. Веселая, жизнерадостная, вечно по-детски забавляющаяся Тильда умерла, как умер и его мудрый и добрый наставник, а он, Рольт, который во всех смыслах хуже них, почему-то жив, зачем-то продолжает дышать и чувствовать. Неужели все беды должны обрушиваться разом? Подавленный и усталый, он без особого стремления подходил к замку. Теперь, когда Рольт оказался в относительной безопасности, он ощутил, насколько использованные в Зерете заклинания истощили его.

С непривычки он мог вообще умереть, потому что магия отнимала жизненные силы, не спрашивая, какое количество можно взять без вреда для здоровья. Но все-таки Рольт выжил, словно только для того, чтобы собрать в душе еще больше страданий. Хладнокровие и уверенность в себе отступили, Рольт впал в задумчивость и привычно унылое состояние. Новый характер, хотя и проявил себя, но еще не закрепился в нем и боролся со старыми привычками, особенно со стремлением осторожно и неуверенно воспринимать мир.

Вход в замок был закрыт решетчатыми воротами. Когда Рольт представился, слуга Желом, который, конечно, узнал его, только пожал плечами:

– Извините, господин, но мне велено никого не впускать.

– Что за новости, – Рольт снова стал суров. – Маркус здесь?

Слуга отвел взгляд, немного потоптался на месте и тихо прошептал:

– Он в тюрьме.

– В тюрьме? – каждое слово жестко вырывалось из его рта, на лету становясь все более и более злым. – Да объясни же мне внятно, что здесь происходит!

– Отец-герцог упрятал его туда после того, как... – затараторил слуга, испугавшись нарастающего гнева мага. – После того, как молодой господин пытался его убить.

– Что за чушь? Что здесь вообще такое творится? Веди меня к Маркусу!

– Но...

– Сейчас же! – глаза Рольта загорелись магическим огнем. Ни охрана, ни Желом не посмели ему противиться. Они спешно подняли ворота и расступились.

Во дворе замка стоял гроб с телом Тильды. В этот пасмурный день мертвое лицо ее казалось особенно серым и жалким. Живая, всегда подвижная маленькая фигура девушки навсегда замерла, своим невинным видом напоминая живущим о том, что не все, кто хочет и достоин жить, могут жить. Чувствуя, как глаза увлажняются, Рольт поспешно отвернулся.

– Потом, это потом. Веди к Маркусу.

– Что здесь делает этот выскочка?! – взревел мощный голос Нерита. – Немедленно вышвырнуть его вон!

Грузный, неприятный на вид, средних лет, с вечно искривленным в ухмылке ртом Нерит Куранит казался неадекватным. Взгляд его был привычно полубезумен и затуманен, как если бы он был сильно пьян. Впрочем, пил герцог тоже немало, и даже сейчас стоял с бутылкой вина в руке.

Остановившись на месте, Рольт, с яростью полыхнув магическим огнем в глазах, посмотрел на Нерита так, что тот сделал неуверенный шаг назад. Отец Маркуса никогда ему не нравился, но до смерти жены герцог соблюдал хоть какие-то нормы приличия. Теперь же он совершенно опустил и больше не оценивал справедливость своих поступков.

– Попробуй сам – подойди и вышвырни меня вон! – сказал маг, уже весь полыхая мистическим огнем.

– Но-но, ты не сильно это... – неуверенно замямлил Нерит. – Этот ваш, как там его... Совет... Совет не одобрит!

– Совета больше нет.

Показалось, Нерит мгновенно протрезвел. Полученная с генами привычка оценивать любые новости с позиции властителя быстро прокрутила в его голове все возможные варианты дальнейшего развития событий.

– Совета нет? Так, значит, псов спустили с цепи.

– Да. И они готовы грызть глотки.

Герцог откинул бутылку и, пошатываясь, пошел в сторону конюшни. Не обращая на него внимания, Рольт поспешил мимо стражников в холодный мрак темницы.

Его друг Маркус метался по камере, как раненый зверь, размахивая разбитыми о стену кулаками. Любовь к войне, постоянное участие в турнирах, увлеченность фехтованием – сделали его фигуру по-настоящему рыцарской: широкие плечи, сильные мышцы, твердая осанка – и во всем этом силы было ровно столько, сколько нужно, без излишеств, поэтому он хотя и был крупнее Рольта, но не казался гигантом. Увидев друга, Маркус не сразу поверил своим глазам. Наконец справившись с чувствами, он подбежал к решетке:

– Рольт? Это ты? Тебя словно сами боги прислали!

– Открывай! – рявкнул маг охраннику с такой силой, что тому меньше всего хотелось ему возражать. Без лишних вопросов тюремщик стал перебирать ключи. – Что за чертовщина здесь творится, друг?

– Старый дурак давно свихнулся, ты это знаешь... Но Тильду... Если бы, если бы я только раньше об этом узнал! – голос его дрогнул, Маркус закрыл лицо рукой, но это не остановило потока слез. Все его тело жалобно сжалось и вздрагивало от всхлипываний. Все-таки в душе он был еще, хотя и сильно выросшим, но ребенком.

Наконец дверь в камеру открылась.

– Ну же, ну же, – обняв, попытался успокоить его Рольт, который вдруг понял, что разучился это делать, и потому только отрывисто спросил: – Что произошло?

– После того, как мать умерла, в отца словно демон вселился, – вытирая слезы, прерывающимся голосом заговорил Маркус. – Он стал тащить к себе в постель всех девушек, до которых дотягивались его похотливые руки. В городе, наверное, нет ни одной, которую бы он не изнасиловал. Особенно любил девственниц. Когда в городе они закончились, а другие надоели, он обязал своих вассалов подвозить ему новеньких, «свеженьких», как он говорил, – Маркус вышел из камеры, остановился и вздохнул. – Но ему все было мало, ему все время хотелось новых ощущений. И вот несколько месяцев назад он пришел ночью к Тильде... Тварь! Он изнасиловал собственную дочь! Наверное, ему понравилось, он стал ходить к ней очень часто. А я... Я ведь даже не знал об этом. Веришь? Если бы я только знал! Где меч? Дайте мне меч!

– Дай ему свой меч, – приказал Рольт охраннику. Тот повиновался. Казалось, даже с удовольствием. – Пойдем, друг. Продолжай свой рассказ.

– Тильда изменилась, стала хмурой, неразговорчивой. Я-то думал – заболела... А вскоре сестра забеременела... Это окончательно ее добило. Тильда, веселушка Тильда, рыдала сутки напролет. Я пришел к ней в комнату и не вышел оттуда, пока наконец не узнал правду. Тогда я взял свой любимый меч и убил бы подонка, но телохранители спасли его. Меня без разговоров посадили в тюрьму. Когда Тильда узнала об этом, она... выбросилась из окна башни... – остановившись на секунду, Маркус нервно поднял меч, угрожая пустоте. – Я убью мерзавца!

К тому времени герцога во дворе уже не было. Слуги рассказали, что он спешно сел на коня и умчался вместе со своими телохранителями.

– Трус! – выкрикивал Маркус. – Боится расплаты за свои преступления! Но она настигнет его, где бы он ни прятался!

В этот момент Рольт внимательно взгляделся в друга. Он никак не мог поверить, что недавно, вот только что, сам был таким же. Что именно в нем изменилось? Исчезла восторженность, идеализм, вера в то, что правда обязательно восторжествует? Или больше в нем не осталось желания искать абсолютной справедливости? Главное, Рольт отказывался понимать, почему теперь такие, как он, должны покорно исчезнуть и уступить место всей той сволочи, которая, убив Совет, доказала, что холодный расчет сильнее пламенного сердца.

Там, в Зерете, когда предатели расправились с судьями, Рольт сначала был уверен, что все маги как один поднимутся, чтобы наказать преступников. Ведь зло, подлость, беспощадность убийц не могли не быть очевидны для каждого человека. Но с потрясшим его юношескую душу удивлением он заметил, что людям плевать на все те высокие идеалы, которые, как ему казалось, должны были в каждом сердце требовать восстановления справедливости. Маги думали и заботились только о себе, о собственном благополучии. Все остальное, книжное – благородное и светлое, о первостепенной важности которого каждый из них мог бы говорить при встрече с вами долго, разумно и красиво – было не более чем словами, соской для совести.

Такой неприкрытый цинизм людей сделал циником и Рольта. Точнее, он сделал его реалистом. А реальность была такова, что либо будь добрым, хорошим – и умри, либо будь жестоким, эгоистичным – и живи. Увидев слабую сущность людей, он перестал думать о всеобщем благе и сосредоточился на себе. Принужденное жизнью, пламенное сердце Рольта взяло на вооружение холодный расчет, что сделало его в сотни раз сильнее. Ведь где обладатели одного лишь расчета смогут раздобыть себе пылающее сердце, чтобы сравняться с ним?

В душе Маркуса подобных непоправимых изменений не произошло, даже несмотря на ужасную смерть Тильды. Его вера в высокие идеалы была гораздо прочнее и сильнее, чем у Рольта. Требовалось нечто из ряда вон выходящее, чтобы Маркус внутренне перестроился. Рольту с грустью показалось, что он потерял друга, что их теперь разделяет огромное поле его выжженной души.

«Может, это и к лучшему. Незачем тянуть его за собой на дно», – Рольт решил помочь другу и сразу же уехать, чтобы тот не успел заметить, насколько разными они стали.

– Маркус! – Рольт взял его за плечо, говоря спокойно и уверенно. – Остановись, подумай, зачем и куда мог ускакать твой отец?

– Какая разница? Помчались за ним!

– Мог он уехать к своим вассалам?

– Да.

– И те дадут ему войско?

– Да... – сокрушенно пробормотал Маркус. – Ты правильно рассуждаешь. Он боится, что жители города поддержат меня, а еще ты. Ты ведь будешь мне помогать. Наверное, теперь он соберет войско и только потом вернется, чтобы повесить нас и не допустить бунта. Хитрый лис всегда был осторожен.

– Тогда уходим, – Рольт уже шел к конюшне.

– Стой, куда уходим?

– Мне, как воздух, нужен фокусатор, но я понятия не имею, как его сделать или где взять. В ваших землях есть сильные маги, с которыми можно было бы посоветоваться?

– Хм... Я слышал только о ведьме на болотах. Говорят, она могущественна и может...

– Едем к ней.

С большим удивлением Маркус посмотрел на друга и только теперь заметил, что тот серьезно изменился. Раньше идеи всегда подавал Маркус, а Рольт только следовал за ним в поисках юношеских, невинных приключений. Но те беззаботные времена прошли, а новые были рассчитаны на более жестких и выносливых людей. Маркус поразился, насколько его друг повзрослел. В первую очередь – в душе, но и лицо как будто помрачнело, стало более жестким.

– Рольт! – остановил Маркус.

– Что?

– Дай хотя бы с Тильдой проститься.

Мысленно упрекнув себя в том, что стал слишком черствым, Рольт повернулся и виновато сказал:

– Конечно, Маркус. Конечно.

Положив голову на грудь мертвой сестры, Маркус плакал навзрыд, как в детстве. Сердце сжималось, глядя, как безудержно он разливал свое горе. Целуя холодные лоб, щеки, губы сестры, Маркус сквозь стоны постоянно повторял:

– Бедная моя. Бедная моя сестренка.

Осушив глаза и силы, он молча отошел от гроба и сел на коня. С горечью погладив волосы Тильды и тихо попрощавшись с ней, Рольт поспешил за ним.

– До ведьмы полдня пути, а солнце уже клонится к закату, – негромко сказал подавленный Маркус.

– Я наложу на лошадей заклинание скорости. Надеюсь, тогда успеем доехать до наступления полной темноты.

Глава 6

За время пути Рольт рассказал другу все, что произошло с ним в замке Совета. С грустным азартом Маркус задавал другу самые разные уточняющие вопросы по существовавшим у магов запретам на колдовство, строя одну версию за другой относительно того, как изменится жизнь на Сорегусе.

– А правду говорят, что маг может взмахом руки уничтожить целую армию, и только Совет не давал вам это делать?

– Врут.

– А пол-армии может?

– Маркус, одному магу трудно будет убить даже сотню человек.

– Сто человек тоже немало!

– Если сто дворян, то это даже много, – вслух мрачно подумал Рольт.

– В смысле?

– Необязательно убивать армию. Часто бывает достаточно убить предводителя с его приближенными.

Но Маркус все равно не понимал. Он мыслил битвами, а не политическими играми. Все эти грязные интриги и уловки его не интересовали. Выйти в поле и сойтись в честном бою – вот единственное, что достойно рыцаря. А не тайком убивать полководца, чтобы любым способом победить. О смерти он думал все еще поверхностно, но по-юношески был уверен, что, столкнувшись с ней лицом к лицу, не испугается и с достоинством поцелует ее легкую, протянутую к нему руку.

– Когда мы победим отца, ты поможешь мне править, Рольт? – Маркус был юн, но умен, поэтому, даже опустив мешавшее ясно видеть забрало благородства, он понимал, что если ему попадется противник, который не ищет благородной смерти в сражении, то понадобится такой человек, как Рольт. Новый, изменившийся Рольт, понимающий в политике больше, чем он.

– Ты хочешь этого?

– Я бы хотел, чтобы все, кто живет в моих землях, были счастливы и довольны. Помнишь, как в «Людах Солнца» Твента?

– Жаль, что общество, которое описано у Твента, невозможно построить в жизни.

– Почему же?

– Он был писателем, а не королем.

– Ну а если бы Твент был королем?

– То он бы не был писателем.

– Не понимаю я твоих рассуждений. Я вот, лично я, даю тебе слово, что создам именно такое справедливое общество!

– Хорошо, Маркус. Я верю твоему слову, – он решил не продолжать спорить с другом, чтобы не поссориться.

Не разделяя оптимистичных мечтаний друга, Рольт с каждой минутой становился все более сосредоточенным и угнетенным. Проговаривая вслух все скопившиеся внутри мысли, он лучше начинал понимать, насколько серьезным стало положение в мире. Хотя на Сорегусе живет и не так много магов, среди которых большая часть неспособна творить слишком опасные заклинания, они все равно представляют немалую опасность как друг для друга, так и для обычных людей. Каждый маг хоть раз в жизни мечтал стать королем и наслаждаться безграничной властью. После смерти Совета кто угодно из них может попытаться сделать мечты явью. Конечно, люди не отдадут власть без крови, да и маги не всегда терпимы друг к другу, а потому, скорее всего, начнется всемирная война всех со всеми. Здесь, на континенте Треон,

где живет большая часть населения планеты, прольется больше всего крови. В этом Рольт уже не сомневался.

До какой степени маги разрушат мир, если их желания уже никто не будет сдерживать? Рольт пожалел несчастных кутов, которым придется проверить это на себе. Не замечая, что именно отвечает другу, он внутренне содрогался, представляя масштаб текущих бедствий. Когда Рольт наконец отвлекся от тяжелых мыслей, они уже ехали по узкой тропе среди болот. К счастью, она была достаточно твердой, чтобы по ней можно было передвигаться на лошади, так что с последними лучами солнца путники увидели обитель ведьмы.

Это был небольшой полуразрушенный замок на окруженном топями острове. В глаза бросалось, что его построили давным-давно и, надо полагать, несмотря на то, что замок был спрятан среди болот, он не смог спасти своего хозяина. Одна из трех башен полностью обрушилась, вторая оголила прогнившую винтовую лестницу. Во многих местах стена зияла дырами, которые окаймлял частокोल торчащих как попало камней. Даже крыша главного зала сквозь полученную когда-то рану подставляла свое нутро ветрам, солнцу и дождю. Казалось, здесь невозможно жить.

– Она точно еще жива?

– Понятия не имею, Рольт.

Они подъехали к воротам, которые некогда пробил мощный таран, и спешили. Внутренний двор, заваленный покрытыми мхом камнями и кусками прогнившего, либо сожженного дерева, был узок и сразу открывал взгляду сорванные с петель двери в тронный зал замка.

Уже совсем стемнело. Птицы и животные замерли, ожидая дождя. Воздух стал сухим, наэлектризовался и сгустился. Чтобы легче было дышать, Рольт расстегнул две единственные верхние пуговицы балахона и остановился, снаружи вглядываясь в тронный зал: подточенные временем и врагами колонны; свисающие, порванные стяги, похожие на половые тряпки, едва колышимые ветром; неясное очертание высокого трона в самой глубине. И никаких признаков жизни. Нигде не горел свет, ни одного звука не доносилось из безжизненного чрева замка.

Сверкнувшая с оглушительным громом молния заставила вздрогнуть от неожиданности. Что-то опасное чувствовалось в этих стенах. Путники переглянулись. Молния разрезала небо еще раз. Мороз предательской дрожью пробежал по коже, когда Маркус понял, что в свете молнии увидел на троне женский силуэт.

– Там кто-то есть!

В это же мгновение все свечи в зале зажглись, затрепетав от разгулявшегося ветра. С неба хлынул дождь, поэтому Маркус и Рольт, чтобы не намочнуть, быстро вбежали внутрь. По истертой, покрытой многочисленными дырами, ковровой дорожке к ним шла женщина, на вид лет тридцати-тридцати двух. Правильные, словно бог старательно и с любовью рисовал их, черты лица, пышные черные волосы, стройная, гордая фигура, подчеркиваемая облегающим синим платьем с корсетом, – она мгновенно производила впечатление и вызывала восхищение.

– Вот это женщина! – с восторгом проговорил Рольт. – Такая украсит собой любой королевский двор, а живет, как старуха-отшельница.

Колдунья шла медленно, будто давала возможность получше себя рассмотреть. И оба друга с удовольствием этой возможностью пользовались. Каждое ее движение отдавало внутренне силой, в черных глазах переливалась смесь женской таинственности и ума.

– Извините, дорогие гости, что не сразу заметила ваше присутствие, – мягким голосом сказала колдунья. – Все из-за того, что я немного задумалась. В последнее время этот недуг мучает меня слишком часто.

– Жаль, что им болеют не все короли Соретуса. Женщин же он только красит, – поклонился ей Рольт.

Маркус с еще большим, чем прежде, удивлением посмотрел на своего друга, не ожидав от него столь непривычной раскованности и галантности. Сам же он был смущен и не знал,

что ответить, но при этом не мог оторвать глаз от колдуньи, жадно рассматривая каждую черту ее лица.

– Благодарю. Меня зовут Сепатия.

– Я маг Рольт. А это мой немногословный друг Маркус Куранит, сын местного герцога Нерита Куранита.

– Очень приятно, – обворожительно улыбнулась колдунья. – Вы наверняка устали с дороги. Пойдемте же, я вас накормлю и напою.

Пока они шли вслед за колдуньей к трону, Маркус все так же восхищенно рассматривал Сепатию, словно она была существом из другого мира. Тонкий запах духов и ее близость сводили его с ума, наполняли голову кровью, а тело неутолимим желанием.

Около трона стоял небольшой обеденный стол, накрытый различными блюдами и напитками. Только сейчас Рольт понял, насколько устал и голоден. Без лишних приглашений маг набросился на мясо жареной птицы, запивая его терпким, прекрасным вином. Маркус же сел рядом неторопливо и ел сдержанно, злясь на то, что никак не может избавиться от чувства скованности. Чтобы перебороть себя, он решил завести с хозяйкой разговор.

Оставалось найти тему. На глаза попалась пробитая прямо над головой крыша, сквозь которую прекрасно было видно грозу. Капли дождя бились в месте пролома в невидимый барьер и стекали по его куполу на крышу. Сквозь эту дыру зал то и дело озарялся светом мелькавших в небе молний.

– Видимо, прежним хозяевам замка пришлось несладко, – сказал он, кивком указывая на крышу.

Сложив руки и положив на них подбородок, Сепатия сидела на другом конце не слишком длинного стола, беззастенчиво изучая своих гостей. Она дышала спокойно, ровно, пришедшие ни чуть не смущали ее, и, похоже, вызывали немалый интерес.

– Это я сама сделала. Люблю смотреть на небо. Жаль, нет того, с кем можно было бы это делать вместе.

Два друга снова переглянулись. Колдунья обладала не только незаурядными магическими, но и женскими чарами. Похоже, ей доставляло удовольствие производить впечатление. Сепатия стала мягко поглаживать каплевидный, цвета смолы кулон, падавший на ее белую грудь. Теперь Маркус даже не пытался бороться с собой, он понял, что, как и кулон, полностью находится в обольстительных руках этой женщины, и потому, опустив взгляд, принялся молча, немного злясь на себя за слабость, доедать ужин.

Рольт же настолько вымотался, что его ничего не отвлекало. Он уплетал все, что видел, даже позабыв на время о хозяйке замка. Заклинания истощили до крайности его силы, а как пополнять их другим способом, кроме еды и сна, Рольт не знал. Особенно вино развязывало ему язык и поднимало настроение.

– Тяжелый выдался день? – спросила, глядя на него, Сепатия.

– Чересчур, – с забитым ртом ответил молодой маг. – Вы знаете, что Совета больше нет?

– Знаю.

На секунду Рольт запнулся. Он не ожидал такого ответа. Еще раз всмотревшись в ее черные глаза, но, не сумев прочесть в них нужного ответа, он проглотил очередной кусок и задумчиво сказал:

– Слухи быстро распространяются даже в такие укромные места, как ваше. Что же вы собираетесь делать теперь?

– Ничего, – улыбнулась колдунья, глотнув вина. – Моя жизнь никогда не зависела от Совета, и мне все равно, что затевают остальные маги.

– Мне бы ваше равнодушие. Жаль, что я по натуре своей не аскет. Не люблю уединения, не люблю монастыри. Ни за что бы не стал монахом.

– Вы это именно сегодня поняли?

И снова Рольт запнулся. «Вот это женщина! Она едва ли говорит и десятую долю того, что знает». Но словесная игра в кошки-мышки не тревожила его, а только доставляла удовольствие. Маг чувствовал, что колдунья не сделает им ничего плохого.

– Да, именно сегодня... Но, как вы понимаете, мы приехали к вам вовсе не для того, чтобы подбросить ваши запасы. Мне неудобно просить, но не завалился ли где-нибудь в этих развалинах фокусатор? В наступающие беспокойные времена он будет весьма кстати для того, у кого нет своего замка на болотах.

Колдунья изящно кивнула, прядь волос упала ей на лицо.

– У меня есть фокусатор, достойный богов. И я дам вам его, но с одним условием.

Насторожившись, гости с интересом посмотрели на нее. Просьбы колдуньи в народной молве никогда не ассоциировались ни с чем хорошим. Но, взглянув на Сепатию в блеске молний, Маркус подумал, что ради нее с удовольствием исполнил бы все, что бы она ни попросила.

– Мне нужен ребенок, – красивое лицо ее сразу стало серьезным и еще более красивым.

– Где же мы достанем вам ребенка? – после паузы удивленно спросил Маркус.

– О, поверьте, мужчине для этого не надо далеко ходить. Все необходимое всегда при нем.

Друг его все еще не до конца понимал очевидного намека, но Рольт все схватил на лету. Предложение колдуньи будоражило его кровь, разгоняя ее по венам. Подняв кубок, он с наигранным сожалением провел им по воздуху:

– Но нас здесь двое, а вы одна. Если вас это не смущает...

– Смущает, – жестом отрезала Сепатия, не сводя глаз с Маркуса.

Сокрушенно опустив голову, Рольт, кивнув в сторону друга, спросил то, что она хотела, чтобы он спросил:

– Маркус ведь подойдет?

– Если он не против.

К этому моменту до Маркуса уже дошел смысл разговора. Ликиющее нутро быстро объяснило ему то, что не мог уловить затуманенный женским обаянием ум. Но детский характер пока брал верх над ним. Краска залила лицо, он не знал, что сказать, куда деть руки, как совладать с возбужденным телом.

– Я не против, – промямлил Маркус.

– Тогда заканчивайте ужинать и поднимайтесь в мои покои, – все тем же спокойным голосом проговорила Сепатия, от чего у него внутри все перевернулось.

Встав, Сепатия на секунду замерла, еще раз оглядывая Маркуса, и медленно пошла к лестнице. Вскоре звук ее легких шагов растворился в шуме грозы. Два друга остались наедине. Загребая ложкой салат, Рольт уже чувствовал себя глупо из-за того, что так много ест, но никак не мог остановиться. Сидевший рядом Маркус, пытаясь совладать с дрожью в руке, наливал себе вино.

– Повезло тебе, друг, – хлопнул его по плечу маг. – Хотя бы одну ночь провести с такой женщиной – уже удача.

– Это не может быть какой-то ловушкой? – спросил он и залпом осушил чашу.

– Ведьмы есть ведьмы. Кто знает, что у них на уме? Помнишь, как говорят: ведьмой женщина становится, когда начинает скрывать свои истинные замыслы. Что прячется в этой прекрасной головке, можно только догадываться. Но ради такой хочется рискнуть, а?

– Да... – протянул Маркус, вспоминая ее, и восторженно добавил: – Ради нее можно не то, что рискнуть, а жизнь отдать!

– Эге, ты поосторожней с этим делом. Не хватало тебе влюбиться в ведьму. Выпей еще и вперед!

Когда друг ушел наверх, Рольт вдруг ощутил, насколько сильно переел. Стало трудно даже сделать вдох. Медленно перебирая ногами, он пошел во двор, чтобы глотнуть свежего воздуха. Скоротечный дождь уже смолк, гроза вместе с тучами умчалась на запад, обнажив лунное

небо. Крупные капли падали только с крыш, размеренно шлепаясь в лужи и об землю. Не без труда поднявшись по лестнице на стену замка, Рольт запрокинул голову и загляделся на звезды. Их прерывистое сияние дарило усыпляющий покой, постепенно переходящий в транс.

В тысячный раз прокрутив в голове все, что с ним сегодня произошло, Рольт глубоко вдохнул прохладный, влажный после дождя воздух. Тело налилось свинцом, глаза так и слипались, но Рольт упорно перебирал все, что проносилось в голове. Ему казалось, что где-то в рое этих мыслей прячется одна настоящая, которая наконец объяснит ему, что с ним на самом деле произошло, почему он изменился.

Но чем больше он об этом думал, тем отчетливей перед глазами рисовался образ жестокой Ланты, которая с ненавистью взмахивала рукой, чтобы убить его.

«Познать свою натуру до самых основ и тем открыть Главный Закон Вселенной – вот главная цель мага», – вспомнились Рольту слова Основного Трактата. Похоже, сегодня он познал свою натуру, но почему же теперь в уме его только Ланта, а не Главный Закон Вселенной?

В это время в просторной спальне полуразрушенного замка Маркус переминался с ноги на ногу около сбросившей с себя платье Сепатии. Колдунья подошла к нему и стала медленно, осторожно раздевать его, каждое ее прикосновение обжигало Маркуса сводящей с ума страстью.

– Как мне побороть твою скованность? – нежно шептала она, снимая с него рубашку. – Ради этого я сделаю все. Я приму облик любой женщины, которую ты хочешь увидеть.

Слова колдуньи словно ударили его, Маркус вздрогнул и отстранился, но Сепатия снова прижалась к нему, не переставая ласкать. Капкан для его сердца уже захлопнулся в ее тонких пальцах, хотя сама она все еще не была уверена, что нравится Маркусу.

– Тебе даже не нужно говорить ее имя. Просто представь ее, и она появится перед тобой, – губы колдуньи мягко целовали его грудь.

– Нет-нет-нет, – забормотал Маркус, отворачиваясь. – Не нужно этого. Не надо, пожалуйста...

Но было поздно. Его ласкала уже не Сепатия. Это была Тильда. Родная сестра целовала Маркуса в губы и обнимала за шею. И он ничего не мог с этим поделать. Ни тело, ни глаза не слушались его. Увы, такая ситуация не была описана ни в одной красивой книге, которые он прочитал, а сам он не мог заставить себя сделать что-нибудь резкое или грубое по отношению к этой обворожительной женщине.

– Умоляю, – простонал он, не в силах оторваться от лица живой сестры.

– Перестань бороться с собой, – шептала голая Тильда, утягивая его на кровать. – Прими себя. Чьего осуждения ты постоянно боишься? Скажи мне, кто твой судья, и я убью его, чтобы ты наконец перестал себя сдерживать.

Не в силах более сопротивляться влечению, Маркус с нежной яростью накинулся на колдунью, которая заигрывала с ним, превращаясь то в Тильду, то в саму себя. В эту ночь он выплеснул в нее все прошлое, все детское, мечтательное и наивное, что в нем было, не оставив внутри себя ничего лишнего, только осознание того, что по своей природе он никакой не рыцарь, не борец с несправедливостью и уже не мечтательный мальчик.

Маркус ощутил, что внутри его души действительно живет нечто благородное, но не по-книжному, а достаточно дикое и жестокое. Отбросив сомнения и нравственный контроль над своими действиями, он всю ночь безумно отдавался инстинктам, наслаждаясь мрачным вкусом ведьминой любви.

Глава 7

В Зерете почти никого не осталось. Маги спешили спуститься на землю, чтобы испробовать плоды новой жизни, не ограниченной правилами Предела. Пока еще мало кто из них понимал, как и ради чего использовать свои способности, но каждый хотел хотя бы просто подышать воздухом безудержной свободы.

Разбредаясь по Соретусу, маги начинали с малого: принуждали красивых женщин спать с ними, грабили богатых кутов, устраивали долгие пиры. Тогус понимал, что пока еще у него есть небольшой запас времени, пока безнаказанное, преступное веселье не развратит магов до более тяжелых стадий, после которых начнутся бессмысленные убийства и борьба за власть.

Поэтому Тогус, прозванный Убийцей Совета, не спеша и внимательно изучал Зерет, обходя его сверху донизу, заглядывая в каждую разграбленную мародерами комнату, ища потайные помещения или секреты, которые бы открыли тайну – зачем все-таки был создан Совет? Ощущение, что в идее Предела было второе дно, не покидало мага. Но в стенах Зерета он так и не нашел ничего, кроме бесчисленных томов древних книг с устаревшими истинами.

Около входа в покои Верховного Судьи на полу сидел Далут и разглядывал испачканный засохшей кровью кинжал. Он подолгу размышлял о совершенном предательстве, каждый раз ощущая бешеное биение сердца и подступавший к горлу стыд, пьянивший рассудок своим горьким привкусом. Но еще больше Далута заботило его собственное будущее. Во все времена предателей редко оставляли в живых после того, как те сделали свое дело. Эта мысль пугала Далута, парализуя волю.

– Ну же, Далут, зачем же на полу сидеть, – ласково сказал Тогус, за локоть поднимая его на ноги.

– Что теперь со мной будет? – тревожно всматриваясь в лицо Убийцы Совета, спросил бывший судья.

– Ничего страшного, не бойся. Я сделаю тебя своей правой рукой.

– Меня? – удивился Далут.

– Тебя. Мне нравится твой образ мыслей, твой ум, твоя нацеленность на результат. Только посмотри на остальных магов – жалкие развратники, они уже разбрелись по планете в поисках красивых женщин или мужчин. Словно звери, они будут насиловать всех, кого увидят. Те из них, кому это вскоре надоест, начнут от скуки воевать друг с другом, или творить мерзости, о которых даже страшно подумать.

– А вы? Чего хотите вы?

– Ты задаешь правильный вопрос. И я отвечу на него серьезно. Я хочу построить новый мир, в котором маги и куты будут иметь равные права. Я остановлю насилие магов законом, который разрешит использовать любые заклинания, но только при одном условии – благие намерения. Я разделю всю магию на вредную и полезную. За первую буду казнить, за вторую – награждать. При активной помощи кутов мы сможем построить новое общество, общество, в котором все будут равны и всем будет спокойно и безопасно жить.

Глаза Тогуса горели, он уже видел перед собой картину будущего справедливого мира, в котором его имя останется на века как имя человека, который ввел Соретус в новую эру, дал ему невиданный толчок в развитии.

– Значит, Предел мешал только тем, что...

– Он устарел, ты же понимаешь это. Почему нельзя творить сильные заклинания ради добрых дел? Однажды я своими глазами видел, как огромный поток воды несся на деревню кутов. И я не мог им помочь, не мог их спасти, потому что Предел запрещал это. Разве такой закон справедлив? Скажи мне?

– Не думаю... Признаться, я удивлен, что ваши мотивы столь... высоки.

– Я не люблю убийства. Если бы можно было избавиться от Предела по-другому, я бы всеми силами попытался избежать этой бойни. Прости, что пришлось и тебя втянуть в заговор, но ты мне нужен.

– Мне кажется, я уже ни на что не способен, – устало опустился на коридорный стул Далут. – Руки до сих пор трясутся.

– Если бы они у тебя не тряслись, я бы убил тебя.

На этих словах Далут вздрогнул и, обхватив руками голову, закричал:

– Что же я наделал, что наделал!

Снова с силой подняв его на ноги, Тогус несколько раз ударил ладонью по его заплаканным щекам:

– Что ты плачешь, как женщина? Соберись! Соберись, пока я не пожалел о своем решении.

– Я попробую... – кивнул Далут.

– Пойдем, я помогу твоему уму проясниться.

Держа за плечи, Тогус повел мага в подземелье. Каждый новый шаг давался Далуту все труднее. Он уже представлял, как Убийца Совета бросит его за решетку, или, того хуже, начнет пытаться, прежде чем убить. Жалобно поглядывая на каменное лицо Тогуса, Далут боялся проронить хоть слово и покорно шел, как теленок на убой. Открыв дверь темницы, Тогус почти заставил его спуститься по лестнице.

Тусклый свет горевших свечей вырывал из мрака стоящий в центре стол, к которому был привязан перепуганный Целирт. Кровь из его пробитой головы давно не текла, она запеклась неровными ручейками на лице и слепила встрепанные волосы. Взорванные глаза его нервно бегали, пытаясь понять, что происходит. Обнаженная грудь парня была иссечена свежими полосами ран.

Наконец Далут обратил внимание, что около стола с плетью в руке стоит Ланта. Девушка со злостью разглядывала Целирта, хотя, казалось, ей все-таки было тяжело истязать молодого мага.

– Пожалуйста, господин Далут, господин Тогус! Спасите меня от этой сумасшедшей дуры.

В ответ на это Ланта замахнулась и с силой ударила его плетью по груди, в очередной раз вспоров кожу. Целирт выгнулся и жалобно вскрикнул.

– Кто же бьет по груди? Надо было его перевернуть, – недовольно сказал Тогус.

– Я хочу видеть его мерзкие, перепуганные глазки.

– За что вы мучаете его? – Далут говорил осторожно, радуясь отступившему от сердца первому страху. Слава богу, убивают не его. Эта жестокая мысль и пугала, и обнадеживала.

– Видишь ли, этот парень любил по ночам пробираться в комнаты девушек и втихую насиловать их. Странно, но Предел скорее защищал его, чем осуждал. Ведь какое дело великому Совету до банальных изнасилований? Теперь же он получает наказание от той, к которой ворвался однажды ночью. Разве может быть кара более справедливой, чем от рук самого пострадавшего человека?

На этих словах Ланта, обозленная противными воспоминаниями, снова ударила плетью, в этот раз по животу парня. От дикой боли и от вида разреза, оголившего мышцы живота, Целирт заорал изо всех сил. Сглотнув приступ тошноты, Далут отвернулся:

– Что дальше?

– Ланта, ты когда-нибудь убивала человека?

– Нет, – покачала головой девушка.

– Пожалуйста, ну, пожалуйста! Умоляю! Не надо! – запричитал Целирт.

– Конечно, не убивала. Представляешь, Далут, она не сумела справиться с любимым мальчиком Хартеха.

– Рольт жив? – удивился бывший судья.

– Пока да. Ну так что, Ланта, сделай это наконец. Ты же этого хочешь?

В глубине души девушка не была уверена, чего именно хочет, но воспоминания столь отвратной болью травмировали душу, что она готова была плакать от злости, когда смотрела на Целирта, на его потные руки, которые в ту ночь бесцеремонно гладили ее тело, на его треснувшие губы, которые в ту ночь с усмешкой шептали грязные шуточки, на его перепуганные глаза, которые в ту ночь были наглыми и безжалостными.

– Хочу, – Ланта решительно вынула кинжал.

– Нет! – снова закричал связанный парень.

– Тогда сделай это, и тебе станет легче.

Подойдя в Целирту, Ланта прижала кончик клинка к впадине на его груди и, слегка надавив, прошептала:

– Где же та твоя самоуверенность, сила, надменность?

– Я больше не буду, клянусь!

– Ты как ребенок, который возомнил себя взрослым. Так ощути же, что значит на самом деле быть взрослым и отвечать за свои поступки.

Для смелости еще раз вспомнив ту ужасную ночь, Ланта всем телом навалилась на кинжал. После короткой задержки клинок покорно по рукоять вошел в исполосованное ранами тело. Целирт попытался закричать, но жизнь уже покидала его, и сил на крик так и не хватило. Голова его откинулась, взгляд застыл.

Нагнувшись над его лицом, Ланта внимательно смотрела в мертвые глаза Целирта, но увидела только собственное отражение. Это испугало девушку, она бросила кинжал и отошла от стола. Убийство не облегчило ей душу, не избавило от страданий памяти, и не доставило никакого удовольствия.

Глава 8

Обратно в замок Куранитов они ехали не спеша. Первое время Рольт не обращал на друга внимания. Он был поглощен изучением подаренного колдуньей фокусатора – темно-серой кожаной перчатки с нашивкой в виде медвежьей пасти. На нее было наложено много непонятных Рольту заклинаний. Он смог разобрать лишь простейшее: в теплую погоду в ней будет не жарко, в холодную – тепло.

Колдовать с перчаткой было сплошное удовольствие. В ладони мага возникали то огненные, то ледяные, то электрические шарики. Он крутил их в воздухе и бросал в придорожные деревья, чтобы ощутить свою силу. Фокусатор позволял тратить гораздо меньше энергии на заклинания, поэтому можно было усиливать их в несколько раз.

Наигравшись с перчаткой, Рольт наконец повернул голову в сторону едущего рядом друга и не поверил своим глазам: Маркус совершенно изменился. Изменились черты лица, став тверже и грубее, карие глаза потухли и налились суровой тьмой. Изменилась осанка – он сидел, как истинный король, как тот, кто готов повелевать. Изменилось и поведение – Маркус уже не болтал о ерунде, он был сосредоточен и молчалив.

– Что эта ведьма сделала с тобой, друг?

– Не называй ее ведьмой.

– А как мне ее называть? Посмотри, как ты изменился. Здесь точно не обошлось без...

– Называй ее колдуньей, а еще лучше по имени – Сепатия. Договорились? – оборвал его Маркус и снова направил взгляд на дорогу.

– Ладно... – приостановившись, пробормотал Рольт, проводя его глазами. В глубине души он был рад. Потеряв детскость, друг снова стал близок ему, между ними исчез возникший было барьер. Они снова говорили на одном языке, пусть этот язык и был более неповоротлив и скуп, но теперь с Маркусом можно было не обращаться, как с маленьким или глупым.

– Как думаешь, твой отец уже собрал войско? – после паузы спросил Рольт.

– Ему не нужна вся армия сразу. Достаточно ударного отряда, чтобы осадить Умрэ. Но, думаю, он узнал, что мы убежали, и уже вернулся, взяв город без боя. Почувствовав силу, старый дурак отправит отряд в погоню за нами.

– Это было бы лучше всего. В поле я еще смогу что-нибудь придумать, но взять крепость – почти нереально.

Ускорившись, они промчались болота и уже скакали, разметаая мокрую грязь, по равнине, изредка перемежавшейся пролесками. Перед копытами лошадей то и дело нервно отпрыгивали в стороны животные и птицы, не привыкшие, чтобы кто-то перемещался так быстро.

Из очередной попавшейся на их пути балки выехал всадник. Издали заметив Маркуса, он жестом попросил его остановиться. С усилием погасив огромную скорость, обе лошади, фыркая, остановились перед широкоплечим рыцарем.

– Меня зовут Туфон, господин Маркус, – представился всадник. Туфон не был красив, но не был и безобразен. Под тридцать лет, высокий, сильные мышцы распирали пластины доспехов, мощные руки крепко сжимали узду. Он выглядел, как настоящий воин, уже побывавший во многих боях и желавший побывать в стольких же еще.

– Что тебе нужно, рыцарь?

– Мой господин, граф Дидо, послал меня вперед на разведку.

– Значит ли это, что за тобой едет военный отряд?

– Именно так. Три графа во главе с Дидо по требованию вашего отца привели своих людей в Умрэ. Затем герцог послал их, то есть нас, чтобы схватить ваше высочество. В нескольких километрах отсюда вы встретите около двухсот солдат, идущих навстречу вам.

– Почему ты рассказываешь мне все это?

Помявшись, Туфон не стал подбирать мягких, обтекаемых слов и сказал, что думал:

– Я рыцарь, господин. И стал им не для того, чтобы помогать обезумевшему старику избежать расплаты за смерть изнасилованной им дочери. О вас говорят, как о честном человеке. Я бы предпочел сражаться именно за вас, а не за вашего отца.

– Ты достойный человек, Туфон. И я не забуду это.

– Что я могу для вас сделать?

– Поезжай к Дидо. Скажи ему, что мы не будем сопротивляться. Но чтобы не уронить достоинства, мы сдадимся только в руки самих графов, а не их солдат.

– Вы хотите сдаться? – удивился Туфон.

– Я хочу, чтобы они поверили, что мы хотим сдаться.

– Понял, – улыбнулся рыцарь, разворачивая коня. – Будет исполнено!

– Что ты задумал? – с интересом спросил Рольт, глядя в спину отъезжающего всадника.

– Хочу показать им и всем остальным, что я теперь истинный Куранит, а не просто сын Нерита, – Маркус говорил твердо, с тайной угрозой. Мысли, одна темнее другой вспыхивали в его мозгу, но он не боролся с ними, как всегда делал прежде, а рассматривал их, как диковинных уродов. За одну ночь Сепатия при помощи своего тела и ласк объяснила ему, что он – это не его мысли, не его желания и даже не то, что он делает. Человек – это не тот, кем он хочет быть, а тот, кто он есть.

И Маркус понял, кем он точно не является, – это рыцарем. Благородство, честность, вера в идеалы, готовность умереть в неравной схватке за правду – все это было в его душе, но он вдруг открыл, что есть в ней и другое – беспощадное, властное, холодное. Маркус осознал удивительную вещь: обе эти части его природы могут дополнять друг друга. Для этого нужно лишь перестать постоянно принимать сторону одной из них, подавляя другую, и встать над ними обеими. В конце концов, темная часть его души невиновата в том, что она темна.

Как выяснилось, Маркус способен переступить через все свои светлые, высокие принципы. Колдунья вынудила его почти что переспать с собственной сестрой. Ни один рыцарь никогда бы этого не сделал. Но так сделал он, Маркус Куранит. И он смирился с тем, что страсть к Сепатии могла заставить его пойти еще и не на такое. А раз так, то нет нужды пытаться быть каким-то героем, воином света. Проще и удобнее, решил он, быть самим собой.

Вскоре перед ними выехал большой вооруженный отряд. Два всадника оказались напротив двух сотен человек.

Солнце всюду разогрелось и сушило размокшую от ночного дождя грязь. Воздух парил, отражаясь в каплях и лужах. В небольшом лесу за спинами солдат наперебой кричали птицы. Они жили своей, хотя и наполненной тревогами, но все же более простой и ясной жизнью, чем люди, которые пришли сюда не ради еды, не ради тепла и не ради продолжения рода. Их подняла и привела сюда воля всего лишь одного старика, желающего скрыть одно свое преступление другим, не менее подлым.

От войска отделились три дворянина на породистых конях и подъехали к Рольту и Маркусу. Впереди, гордо подпрыгивая, скакал Дидо – самый верный слуга Нерита. По натуре своей он был похож на господина и при его правлении наслаждался тем, что можно было, кивая на герцога, воплощать в жизнь любые грязные влечения к женщинам.

– Молодой господин! Ваш отец приказал мне доставить вас в замок.

– Ты правильно сказал, я твой господин, – спокойно ответил Маркус. Его манера держаться и холодная уверенность в себе произвели впечатление на графов, привыкших видеть в нем глуповатого юнца. – Но пока я не приказываю, а просто прошу тебя присоединиться к нам.

В ответ на это Дидо только усмехнулся, но чтобы сохранить вид показного почитания сына своего господина, он с сожалением отрицательно покачал головой и пафосно ответил:

– Я присягал на верность вашему отцу и не могу преступить клятвы.

– Значит, у нас только один выход, – размеренным движением, словно доставал флягу, Маркус вынул нож и резко кинул его в горло Дидо. Лезвие не попало точно в цель, а вонзилось ему в рот. Обливаясь кровью, граф, как мешок, повалился с коня, хрустнув переломанной шеей.

Второй граф отточенным движением выхватил лук. Но Рольт взмахом руки мгновенно выпустил в него огненный шарик, который насквозь прожег несчастному грудь. Еще один труп свалился на землю.

– Ты? – холодно спросил Маркус у последнего оставшегося в живых графа. Это был Гуро, слывший расчетливым и прагматичным человеком. Он уже начал стареть, но только не глупеть. Чтобы не потерять лицо, Гуро, совладав со страхом и обдумав свои слова, поклонился и размеренно произнес:

– Быть виновным в смерти дочери и заточить сына в темницу – это страшнейшие преступления. Уверен, что если бы об этом узнал король, то, чтобы восстановить справедливость, он встал бы на вашу сторону, ваше высочество. Что же мы, жалкие вассалы, по сравнению с королем? Ведите нас, господин.

Так Маркус получил целое войско и достаточно веское политическое объяснение своих действий. Не теряя времени, он направился к Умрэ. Уже на следующее утро Маркус с солдатами подошли к городу. Гарнизон даже секунды не думал о том, чтобы умирать за своего хозяина. Все понимали, что Маркус прав. Городские стражники буднично принялись крутить колесо, отпирающие ворота. В это время Нерит бегал среди них, умоляя остановиться. Волосы его растрепались, глаза покрыли слезы. Поняв, что ворота все равно откроют, герцог помчался в замок и заперся в одной из дальних комнат.

Глава 9

Устало сев на трон, Маркус задумчиво вертел в руках свой охотничий нож с драгоценной рукоятью, на которой каллиграфическим почерком была выгравирована надпись «Любимому сыну». Постепенно взгляд его налился сталью, Маркус крепко сжал рукоять ножа и продолжил обстругивать деревянные бруски разного размера, начиная с маленького, шириной с большой палец, и заканчивая крупным, толщиной с руку, но все они были одинаковой длины – примерно по локоть. Готовые бруски Маркус швырял на поднос.

– Что теперь, Рольт?

– Теперь ты будешь править герцогством, – ответил тот, рассматривая свою дорогую одежду малинового цвета с зелеными узорами. Маркус велел переодеть своего друга, который до сих пор ходил в украденной робе послушника Зерета.

– Зачем?

Этот вопрос смутил Рольта. Теперь уже ему казалось, что Маркус изменился слишком сильно, сильнее, чем он. Складывалось ощущение, что друг перегорел, что ему больше ничего не нужно от жизни. Рольт же не мог остановиться, замереть, он искал каких-то скрытых смыслов бытия, и душа постоянно требовала от него действия. Снова чувство одиночества накатило на мага. Пока он думал, что ответить, в зал вошел гонец.

– Послание от Тануина, короля Тамрии! – бодро выкрикнул он, разворачивая свиток.

– Что за ерунду ты городишь? Король не Тануин, – крикнул Маркус, поглядывая, насколько хорошо получился очередной брусок.

– Многое изменилось, ваше высочество, – с грустью в голосе отозвался гонец. Вздыхнув, он продолжил, стараясь придать голосу официальный тон: – В связи с трагической гибелью всей семьи Патомитов от неизвестной болезни, королевская власть переходит к их придворному магу Тануину. Всем герцогам и графам надлежит прибыть в столицу, чтобы присягнуть на верность новому королю.

– Ну да, конечно. Уже сорвался, коня не запрягая, – подняв брови, сказал Маркус. – А теперь давай-ка расскажи, что там произошло на самом деле.

Было видно, что гонец неглуп и прекрасно знает, чем может обернуться излишняя откровенность. Он замялся, размышляя, как не разгневать герцога, и одновременно с тем не подставить под ярость короля.

– Не бойся, ты не пострадаешь за свою честность, – подбодрил его Рольт, но гонец смотрел только на Маркуса.

– Подтверждаю, – кивнул новый герцог, заканчивая с последним, самым толстым бруском.

– Поговаривают, что Тануин отравил всю семью Патомитов, – неуверенно начал гонец. – Затем захватил власть и теперь пойдет на все, чтобы его признали королем. Позавчера он сжег магическим огнем четырнадцать придворных, которые не захотели ему подчиниться.

– Видишь, Маркус? – вздохнул Рольт. – Ты спрашивал – зачем? Затем, что наступают темные времена, и отсидеться не получится.

– Отсидеться получится в любые времена. Просто ты, друг, не из тех, кто может жить, прячась. И я это уважаю, – ответил он, потирая виски. Указав на гонца, он добавил: – Накормите, напоите этого человека!

Когда посланник короля выходил, в зал уже вводили Нерита. Он отбрыкивался, кричал, плакал, пока охранники с трудом тащили вперед его грузное тело. Перед ними шел Гуро, стараясь не смотреть на бывшего господина. Его коробило, что Нерит, забыв о всякой чести, унижался, как простолюдин, вместо того, чтобы даже перед лицом смерти сохранять достоинство.

– Ваш приказ исполнен, ваше высочество.

– Прекрасно. Подведите его ко мне и поставьте на четвереньки.

Неприятный ком подкатил к горлу Рольта, когда он увидел, как Нерит ударился коленями о пол. Угадывалось, что сейчас здесь начнется нечто отвратительное. Холодный гнев Маркуса внушал гораздо больше страха, чем его прежняя, по-юношески кипучая ярость.

– Я, пожалуй, поеду, Маркус.

– Куда?

– В столицу. Пришло время сделать тебя королем.

– Ну что ж, делай.

Как можно более быстрым шагом Рольт устремился к выходу. Но как ни спешил, он все же услышал решительный, изменившийся голос Маркуса.

– Ну что, отец, – он поднялся с трона, вертя в руке самый маленький брусочек, и обошел Нерита сзади. – Ты любил вставлять свою палку во все дыры, какие только находил. Как насчет того, чтобы испытать, каково было этим бедным девушкам? Каково было моей сестре! А?! Держите его покрепче!

Со всей силы Маркус вонзил палку ему в зад. От боли Нерит заорал, как животное. Гуро брезгливо отвернулся, не в силах это видеть. Но стражники смотрели во все глаза, чтобы потом в обмен на теплую постель рассказывать служанкам о последних минутах жизни их мерзкого господина. Несколько раз вынув и воткнув самый маленький брусочек, Маркус отбросил деревяшку на пол и взял в руку более крупную. Пытка продолжалась долго, под конец герцог уже не кричал, он сорвал голос и совершенно обессилел.

Нерит Куранит выдержал пять разных палок и только потом умер от разрыва немолодого и уже нездорового сердца.

Глава 10

Тогус никак не мог заставить себя покинуть Зерет. Он расслабленно сидел в канцелярии на первом этаже на подоконнике открытого окна, выходявшего в парк и упирившегося створками в листву дерева. Здесь маг нашел увлекательнейшую вещь, о которой раньше даже не думал – собрание всех дел, по которым осуждались маги, нарушившие закон.

Преступления описывались так тщательно, что стали для Тогуса настоящей энциклопедией по черной магии. Он черпал из них новые идеи и восхищался теми, кого по вине Совета уже давно не было в живых.

Ветер слегка трепетал страницы тома в руках мага. «Жинек обвиняется в грабеже и кражах. Используя магию, он делал невидимыми себя и своих поделщиков кутов, чтобы тайком пробраться в хорошо охраняемую городскую казну того или иного города, а чаще всего – чтобы в неожиданном месте устроить засаду для богатых торговцев».

– Почему мы еще здесь? – перебив его мысли, недовольно спросила вошедшая Ланта. – Другие маги уже всю делят между собой Соретус.

– Так иди к другим магам, какого черта ты за мной волочишься?

– Зачем ты так? – девушка прижалась грудью к его плечу. – Мне не нужны другие.

– А мне не нужны те, кто не может справиться с простейшим заданием, – оттолкнул он ее.

– Ты снова про этого дурачка Рольта?

– Хартех не зря возился с ним, в парне что-то есть.

– Что ты хочешь, чтобы я сделала?

– Ничего. Я уже отправил антимага его убить.

– Я могу хоть чем-то помочь?

– Помочь? Да. Ты можешь помочь. Пойди, набери мне ванну и жди меня в ней, я скоро приду.

– Ты относишься ко мне, как к служанке! – вспыхнула Ланта.

Коротким взмахом Тогус ударил девушку по щеке:

– А кто ты еще есть, ничтожество? Пошла вон!

Восхищенно посмотрев на него, девушка отерла с губ кровь и молча вышла из комнаты. Ей нравилась мужская, грубая сила. Порой Тогус доходил до жестокости, но Ланту это не смущало, ее покоряла сильная натура мага, его властность, способность с легкостью решать любые проблемы и брать на себя инициативу, когда другие нерешительно переминались на месте. Всего этого не было в Ланте, и все это она ценила в мужчине, готовая простить ему очень многое за ощущение защищенности, за уверенность в том, что ничего подобного тому, что с ней сделал Целирт, никогда не повторится.

По коридору не спеша шел бывший судья Далут. С сочувствием глянув на кровь девушки, он приветственно кивнул ей и подошел к дверям канцелярии. После убийства Хартеха Далут не находил себе места. Он не ожидал, что так тяжело будет переносить предательство. Всю жизнь считая себя прагматичным и циничным, Далут был уверен, что если всегда делаешь, что необходимо, то проблем с совестью не возникнет. На практике все оказалось иначе. Как ни прятал он в глубине души угрызения совести, они то и дело всплывали, отравляя душу едкими воспоминаниями.

– Входи, Далут, ты-то мне и нужен! – крикнул Тогус. – Садись.

Поклонившись, Далут сел на стул около стола, заваленного пыльными томами дел. Все еще подавленный вид мага удивлял Тогуса. Чтобы убедить судью участвовать в заговоре, пришлось подослать к нему Ланту с мнимым покушением. Расчетливость и хитрость Далута, по мнению Тогуса, были бы полезны не столько для заговора, сколько после него – для осуществления амбициозных планов по преобразованию Соретуса. Именно поэтому Тогус решил

кровью Верховного Судьи навсегда привязать к себе Далута, но он не ожидал, что убийство настолько надломит бывшего судью.

– Чем я могу вам помочь? – покорно спросил Далут.

– Расскажи мне, что с тобой? Ты снова чернее тучи.

– После своего предательства я буду жить только до тех пор, пока живы вы. Или пока вы меня не прогоните. Многие любили Верховного Судью и захотят отомстить за его смерть. Впрочем, вы ведь и сами все это знаете.

– Знаю, – улыбнулся Тогус. – Но перейдем к делу. Я тут вспомнил об одной серии преступлений, их расследовали несколько лет назад. Помнишь Сшивателя Миров?

– Конечно. О нем складывают целые легенды. Сшиватель Миров открывал порталы в другие миры, устраивая нападения удивительных монстров, которых никогда на Соретусе не водилось. Безусловно, это был величайший маг.

– Почему «был»? Ваши следователи ведь так и не узнали, кто это. Сшиватель Миров может до сих пор жить среди нас.

– В таком случае, – Далут прервался и чихнул, надышавшись книжной пылью. – Извините... В таком случае, после смерти Совета Сшиватель Миров может вновь проявить себя. Но зачем он вам?

– Тот, кто получит в союзники Сшивателя Миров, станет непобедим.

– Я думал, вы и так считаете себя непобедимым.

– Я не такой дурак, чтобы упускать подобную возможность. А теперь пошли, я уже вычитал достаточно интересных вещей, которые можно будет использовать. Пришло время подчинить себе Соретус. Хотя... – задумчиво протянул он. – Пожалуй, я все-таки приму ванну перед долгой дорогой.

Глава 11

Ревендольф, столица Тамрии, бурлил тревожными переживаниями. Люди лихорадочно метались по городу, не зная, что делать, – то ли бежать, то ли оставаться. Тануин был пока что не жестоким, но слишком странным. Эту странность люди переносили хуже, чем жестокость, потому что она была непредсказуемой.

Каждый полдень новый король заставлял жителей города собираться на главной площади и танцевать под музыку оркестра. Неважно как, главное было двигаться. Тех, кто пытался сбежать или стоял столбом, стража била палками. После танцев нужно было обнять любого стоящего рядом соседа и сказать ему спасибо.

Другой непонятный указ требовал, чтобы каждый житель улыбался и всегда приветствовал даже малознакомых людей. За его неисполнение тоже били палками. Это привело к тому, что жители постоянно лыбились и здоровались с каждым встречным-поперечным, боясь доноса и наказания.

Разглядывая натянутые улыбки на лицах идущих навстречу людей, Рольт задумался над тем, что сам толком не знает, что именно он собирается здесь делать. Легкость предыдущих побед слегка вскружила ему голову. Ему казалось, что после всего случившегося, удача стала его любовницей, и достаточно просто пожелать чего-то, чтобы она за руку привела его к успеху. Поэтому вместо плана в голове молодого мага было одно лишь желание – убить Тануина, чтобы сделать Маркуса королем.

Хотя Рольт изменился, характер его не мог так резко и кардинально перестроиться за столь короткий срок. Внутри него продолжалась борьба души со старыми привычками. Иногда они пока еще брали верх, как это произошло сейчас, и тогда Рольт совершал наивные, даже глупые поступки. В одиночку приехать к такому опытному, сильному магу, как Тануин, было не более чем мечтательной бравадой. Вся эта история не могла хорошо закончиться, но, ввязавшись, Рольт уже не знал, как отступить.

На протяжении многих десятилетий Тануин служил придворным магом королевской семьи Патомитов. Его почитали и уважали. К его мнению всегда прислушивались, а просьбы – исполняли. В стране маг считался вторым человеком после короля. Но, как оказалось, этого ему было мало.

Тануина Рольт знал лишь шапочно, но во дворце слуги встретили его, как лучшего друга нового короля. Возможно, это было не более чем действие очередного указа. Гостя повели по веранде дворца. Сквозь узорчатую крышу, увитую плющом, солнечный свет проникал уже без зноя, а диковинные растения, во множестве рассаженные вокруг, наполняли воздух ненавязчивым букетом приятных ароматов. Остановившись около одной из многих дверей, слуги открыли ее и жестом пригласили войти во внутреннюю комнату дворца.

Только Рольт переступил порог, как к нему навстречу, приветливо раскинув руки, уже шагал старый маг. Тануин двигался быстро, словно не ощущал возраста. Королевская одежда плохо сидела на нем. Трудно было понять, просто ли она ему не идет, либо же впечатление портит воспоминание о том, что прежний ее хозяин вместе со всей семьей отдал жизнь, чтобы Тануин теперь мог разгуливать по дворцу разодетый и с короной, которую никогда не снимал, несмотря ни на какие неудобства.

Приобняв, маг-король сразу же повел Рольта к роскошному, длинному столу, аккуратно вставленному между четырех подпиравших крышу колонн, которые приятно зеленели опутавшим их виноградом.

– Как хорошо, что ты приехал, мой мальчик! Теперь я могу лично передать тебе, насколько мне жаль твоего наставника. Я всегда любил и уважал Хартеха. Мудрейший был маг. Так ужасно, что его убили, так ужасно!

Они сели в разных концах длинного стола. Размеренно отправляя в рот одну виноградину за другой, Тануин продолжал сыпать пустыми, неискренними словами, раздражая Рольта, который понял, что если так пойдет и дальше, он не сдержится и немедленно бросит свои мысли прямо в лицо магу-королю. Чтобы отвлечься, Рольт взял яблоко, но ком встал у него в горле, когда он подумал, что дети Патомитов умерли, съев вот такое же яблоко.

– Кому мешал Совет? – поддельно сокрушался Тануин. – Ох уж эти революционеры! Ломать – оно, конечно, не строить, а они подумали, что теперь начнется?

– Думаю, что подумали, – сказал Рольт, подбрасывая в руке яблоко. – Все меняется с невероятной скоростью. Как, например, Тамрия. Только что у нее был и король, и принц, и две принцессы, а теперь... – он развел руками. – Все умерли.

– Ужасная трагедия, – старик прервался, траурно опустив голову. – Но мы нашли отравителей, завтра всех троих повесят.

– Мне кажется, их на одного больше.

Лицо Тануина перекошилось, голос изменился, глаза забежали. Как пойманный зверь, он оскалился и, бросив вилку и нож, выкрикнул:

– Да! Да! Да! Это сделал я! Не надо этих намеков! – он поднялся над столом, опираясь на него руками. – Я что ли перед тобой оправдываться должен? Кто ты такой, чтобы меня судить? Не ты ли со своим дружкой убил герцога и двух его вассалов?

– У нас хотя бы было оправдание. Мы мстили за смерть Тильды! – Рольт тоже приподнялся с места. – И мы не травили герцога, как это делают шлюхи ради кошелька. Но даже они обычно дают снотворное вместо яда.

Выплескивая скопившуюся ярость, Тануин взмахом руки сбросил со стола кубок, стоявший около него. Теперь он не улыбался, не изображал доброту, старик стал самим собой. Но он не верил, отказывался верить, что истинное нутро его мерзко, что нельзя найти себе оправдание, что благородная цель должна заботиться о средствах:

– Мое оправдание гораздо сильнее, чем самоубийство какой-то девчонки! Я хочу создать в королевстве новое, справедливое общество, в котором люди будут уважать и любить друг друга, – он размахивал руками, словно пытался нарисовать ими будущее, мысли о котором слегка успокоили его. – Помощь и взаимовыручка станут для них естественной вещью. Они не будут думать только о том, как набить карманы золотом. При помощи силы я сделаю их обновленными: добрыми, справедливыми, честными.

– Ты сумасшедший, – от удивления Рольт с такой силой сжал яблоко в своей руке, что из него потек сок. – Как ты хочешь заставить людей стать добрыми?

– Да, поначалу придется заставлять... Может быть, даже сажать и убивать тех, кто неисправим. Что поделать – без селекции не обойтись, – было заметно, что Тануин все тщательно и добросовестно заранее обдумал. – Но пройдет время, сменятся поколения, и я привью им доброту, она войдет у них сначала в привычку, а потом и в кровь. Придет день, когда все станут приветливы и веселы сами по себе. Это только вопрос времени.

Выговорившись, разрядив напряжение и недомолвки, оба мага, вновь овладевая собой, сели на стулья. Рольт, размышляя, отвел взгляд. Что можно возразить магу, который хочет сделать людей добрыми? У Тануина хотя бы какая-то высокая идея есть, а ради чего борется он? Зачем приехал сюда? Неужели же только ради того, чтобы, сделав Маркуса королем, собрать достаточно сил для мести убийцам Совета? Если так, то сам Хартех был бы первым, кто сказал бы Рольту, что он не прав.

– Что же ты не ешь яблоко? – прежним ласковым тоном спросил Тануин. Лицо его вновь озарила напуская доброта.

– Опасаюсь того, что тоже мешаю наступлению твоего прекрасного будущего, – Рольт бросил раздавленное яблоко на стол. Да, решил он, у него нет подходящей, справедливой или великой причины завоевывать это королевство. Дело даже не в мести, в глубине души Рольт

чувствовал, что ввязался в большую политическую игру ради себя, а не ради старика Хартеха. Да, это выдавало в нем обычного человека, а не героя, о котором будут слагать легенды. Но в одном Рольт не сомневался – убийство Тануина с его безумными идеями будет благом не только для него самого, но и для всех жителей Тамрии. Этого было достаточно, чтобы Рольт решился действовать.

– Зависит от того, придет ли молодой Куранит присягать мне на верность, – отозвался маг-король, и задумавшийся Рольт несколько секунд искал потерянную нить разговора.

– Не беспокойтесь, – опустив руки под стол, Рольт не спеша надевал боевую перчатку. Когда пальцы уперлись в кожаные стенки, контур медвежьей головы полыхнул синим огнем. – Я готов показать вам нашу преданность прямо здесь и сейчас.

Все так же под столом он резким движением ударил по воздуху правой рукой. Из перчатки вырвался огненный шар, который, напополам разламывая и опаляя накрытый стол, с ревом помчался к Тануину. Разбрасывая в стороны посуду, огонь в считанные мгновения приблизился к своей цели. Очевидно, старик никак не ожидал такого удара. Единственное, что он успел сделать – это оттолкнуться от стола и упасть на пол прямо вместе со стулом. Огонь сильно ожег его голову и седые волосы, но не убил.

С хрустом растапывая обожженную, упавшую на пол посуду, Рольт уже шел меж двух половинок стола, чтобы вторым ударом добить старика, но вдруг увидел летящую ему навстречу молнию. Понятия не имея, как от нее защититься, он создал перед собой ледяную стену и силовой барьер. Ни то, ни другое не помогло: молния прошла обе преграды насквозь, и только реакция спасла Рольта. Он рывком убрал голову, увернувшись от смертельного удара, но взамен, потеряв равновесие, упал на обломки стола.

– Ты с кем тягаться вздумал, сопляк? – визгливо заорал Тануин, поднимаясь на ноги. Лоб его покрылся волдырями ожогов. – Тебя еще на свете не было, когда я мог творить такое, что тебе и в жизни не снилось. Ты у меня землю жрать будешь, гаденыш!

Старик с силой поднял сухие руки, и в воздухе, под крышей, появились два больших кома земли. С яростью сведя ладони, он с огромной скоростью направил эти комья в Рольта.

Только сейчас молодой маг до конца понял, насколько глупо себя повел. Весь его расчет был на то, что вновь как-нибудь получится сделать нечто сверхъестественное – например, разорвать пространство. Но после того как оба кома, пробив хлипкий барьер, ударили его, залепляя грязью и едва не переломав ребра, Рольт осознал, что он все еще обычный маг-недоучка, а не какой-нибудь полубог. Он беспомощно лежал на полу в куче земли, которая забила все: уши, глаза, рот – и протирал веки непослушной, отбитой, как кусок говядины, рукой.

Ухмыляясь, Тануин стоял над поверженным противником. Он колдовал в уме новое заклинание, а растерянный Рольт никак не мог придумать, что делать, и только проклинал свою самоуверенность. Никаким боевым заклинаниям Хартех его не учил. Так что Рольт понятия не имел и о том, как правильно выстраивать от них защиту.

В голову пришел единственный выход из смертельного положения. С трудом приподняв избитое тело, Рольт, спотыкаясь, со всех ног рванул к выходу, но Тануин мгновенно понял его намерение:

– Куда же ты? Я только начал!

Старик выпустил ему наперерез тонкую, синюю, полыхающую струю, которая, долетев до дверей, собралась в маленький шарик и неожиданно сильно разорвалась, опаляя все вокруг узкими лучами магического огня. Один из них устремился точно в голову Рольта. Маг рефлекторно отвернулся вправо, прикрыв левую часть лица рукой. Но холодный огонь, прожигая ладонь до мяса, в одном месте прошел сквозь неплотно сжатые пальцы и тонкой полоской впился в лицо.

Заревев от боли, Рольт ошалело оглядел, во что превратилась ладонь его левой руки – кожа лопнула, не скрывая более мышц, испачканных запекшейся кровью и землей. Здоровой рукой он притронулся к лицу и ощутил еще более острую боль.

– Пора закончить этот урок, – с удовольствием промурлыкал Тануин.

Но Рольт уже вышел из себя, и ярость частично компенсировала ему недостаток опыта. С полуразворота он отправил в Тануина такой поток пламени, на какой только был способен. Конечно, старик без труда защитился магическим барьером, но столбы, поддерживавшие крышу, не выдержали и лопнули. На Тануина с грохотом обрушилась крыша, скрыв его в своих обломках и пыли.

Сам Рольт успел выпрыгнуть в дверь, на лету открывая ее силовой волной. Упав на пол веранды, он сплюнул забившую рот грязь и пыль и с трудом приподнялся, размышляя, куда бежать. Около него стояли несколько слуг, увлеченно подслушивавших их разговор, которые, пытаясь понять, что произошло, с удивлением смотрели то на него, то внутрь обрушившейся комнаты. Один из них, старик-садовник, быстро сориентировавшись, схватил Рольта за руку и энергично проговорил:

– Идемте за мной, господин, я выведу вас отсюда.

Путаясь в порванной одежде, опаленные лоскуты которой мешали ногам, Рольт брел за слугой по тропинкам парка. Все плыло перед глазами, с каждой минутой тело болело все сильнее и сильнее, но молодой маг не сбавлял шага и только с силой дул на обожженную руку. Парк казался ему бесконечным, но наконец садовник остановился. Торопливо открыв калитку, ведущую прямо на улицы города, он кивнул в ее сторону:

– Прошу вас, господин, сюда. Извините, но дальше я не могу вас проводить, меня и за то, что я уже сделал, могут повесить.

– Спасибо тебе, – прохрипел Рольт. – Я твой должник.

– Надеюсь, вы вернетесь и закончите начатое.

Около дворца на шум собралась толпа зевак. Эти простые люди, которых Тануин пытался улучшить, были совсем не глупы и, когда израненный Рольт вышел из калитки, они быстро сообразили, что у короля с гостем вышел какой-то конфликт. Что бы ни произошло – пытался ли Тануин убить Рольта, либо же наоборот, но молодой маг сразу стал для них другом.

– Возьмите моего коня, господин, – прыгивая с седла, сказал незнакомец в одежде торговца.

– Спасибо, – обессилено пробормотал Рольт.

Сотворив слишком сильные заклинания, он стал неспособен даже самостоятельно забраться на лошадь. Тогда несколько человек из толпы посадили его. Какой-то бакалейщик тревожно крикнул, сочувствуя оглядывая Рольта:

– Лучше езжайте через восточные ворота, дорога туда шире. И стражи там меньше.

Как по команде, люди расступились, чтобы он мог свободно проехать.

– Еще раз, спасибо, – Рольту показалось, что нужно сказать этим людям что-то ободряющее напоследок. – Когда-нибудь я вернусь и освобожу вас...

Стуча подковами по мощеной дороге, конь повез его вперед. Вскоре тех, кто знал о том, что во дворце что-то произошло, сменили обычные, озабоченные насущными проблемами горожане, кто лениво, а кто быстро, перемещавшиеся взад-вперед по улицам города. Тогда-то Рольт и оценил совет бакалейщика. Широкая дорога позволила ему ехать достаточно быстро даже среди людского потока. Путь к воротам, хотя тоже казался невероятно долгим, на деле занял совсем немного времени.

Стража на воротах обратила внимание на Рольта, но не видела причины его останавливать. Однако когда до спасительного выхода оставалось несколько десятков метров, своим ревом город огласил тревожный рог. Исполняя инструкции, стражники бросились к рычагу, одно движение которого позволяло массивным, обитым железом воротам мгновенно опу-

ститься. У Рольта не хватило бы сил прожечь себе выход. Он даже не мог наложить заклинание скорости на своего коня, поэтому израненный маг только ударил пятками по бокам животного и умоляюще прошептал:

– Ну же, родной, вынеси меня отсюда.

Конь сделал все, что мог. Рывком он уже, казалось, полностью проскочил под воротами, но те, упав со страшной скоростью, задели и перебили ему круп. Заржав от боли, умирающий конь повалился набок уже за воротами. Рольт слетел с него и ударился плечом о землю. С большим трудом маг приподнялся на изодранных локтях, но никак не мог встать на ноги.

Стражники на стене настороженно наблюдали за Рольтом, но все равно не хотели подходить к нему без прямого приказа. Стрелять из луков они тоже не решались. Даже раненый маг вызывал у них опасения. Прямо перед Рольтом заинтересованно сгрудились те, кто собирался, но не успел въехать в город. От них отделился пожилой монах в изношенном балахоне.

– Вам нужна помощь, – сочувственно сказал он.

Оглядев свою изорванную одежду и обожженную руку, Рольт сплюнул кровь вперемешку с землей. Теряя сознание, он, усмехнувшись, пробормотал:

– Похоже на то.

Глава 12

После отъезда Рольта Маркус остался в одиночестве. Но оно не томило его. Много нужно было осмыслить, еще большее – переосмыслить. Проще всего и то, и другое делать, когда никто тебе не мешает. Часто он ходил на кладбище, в фамильный склеп, чтобы посидеть в тишине около саркофага сестры.

О том, как жестоко в ту ночь с ним поступила Сепатия, приняв облик Тильды, он хотел думать меньше всего, и именно поэтому думал об этом чаще всего. Два голых женских тела так и стояли перед глазами, руки все еще ощущали их горячую плоть. Неужели в нем жило тайное влечение к сестре? Неужели он на самом деле ничем не отличается от своего похотливого отца?

Не найдя ответа, он с угрюмой душой в очередной раз вышел из склепа, морщась от яркого света солнечного дня. Жизнь не давала ему лишнего времени на размышления, заставляя идти все время вперед. Его уже поджидали стоявшие около могил неподалеку Гуро и Туфон, чтобы рассказать о проблемах, которые, сменяя одна другую, неизменно появлялись каждый день и требовали, чтобы все внимание он уделял им, а не внутренним переживаниям. В какой-то мере это устраивало Маркуса, потому что помогало отвлечься.

– Что? – спросил он, исподлобья глянув на двух людей, которых сам к себе приблизил. Даже свой голос раздражал его, отдаваясь ударом в висках.

– Только что в замок приехали три соседних графа, ваша светлость, – с поклоном сказал Гуро.

– Для чего?

– Хотят засвидетельствовать вам свое почтение, – медленно и официально произнес он. – Они велели передать, что уважают вас и восхищаются вашей смелостью. В эти непростые времена вы показали им пример верности кодексу рыцаря. Их покорила ваша самоотверженная забота о будущем Тамрии. Кроме того, графы привезли подарки и...

– Туфон? – Гуро был хорошим советником, но слишком многословным. Иногда это сильно раздражало Маркуса. Благо, для таких случаев под боком был верный и прямолинейный рыцарь.

– Да просто они хотят присоединиться к нашему заговору против короля.

– А у нас есть заговор против короля?

– После того, как ваш друг Рольт совершил покушение на Тануина, заговор появился сам собой.

– Понятно. Хорошо, Гуро, иди, подготовь прием. Я скоро буду.

– Ваша светлость, – советник еще раз поклонился и пошел к выходу с кладбища.

Разглядывая чью-то могильную плиту, Маркус никак не мог сконцентрироваться, чтобы прочесть написанное на ней имя. Очень непросто принять себя таким, какой ты есть, если тот, какой ты есть, совсем не тот, кого бы тебе хотелось видеть. Однако каким бы ты ни был, есть определенные моральные границы. Если переступишь их, то недовольство собой превращается в отвращение к себе. Маркус сделал этот шаг за грань, и теперь мучился. Пусть он не мог совладать со своим естеством, но тяготящая жизнь все же была в его распоряжении. Когда он вспоминал ночь с Сепатией, то начинал завидовать мертвым и сожалеть, что отец не убил его.

– Скажи мне, Туфон, – не поворачиваясь, он согнулся от перехватившей дыхание боли. – Правду ли говорят, что ты видишь демонов?

– Да, ваша светлость.

Это проклятие привязалось к Туфону, когда ему еще не было и двенадцати, вскоре после того дня, как погибли его родители. Отец и мать гуляли по стенам замка и тогда... Точно никто не знает: то ли отец как обычно дурачился, расхаживая по краю, и сорвался вниз вместе с женой, то ли они решили почему-то свести счеты с жизнью, то ли произошло что-то еще

более ужасное, но в итоге оба погибли. После похорон родителей мальчик недолго оставался в одиночестве. К нему стали приходить демоны.

Особенно часто появлялся один и тот же, который даже утешал мальчика, и затем, когда ребенок, перестав плакать, начинал дышать спокойно и ровно, демон нашептывал ему на ухо: «Ты же знаешь, каким картежником был твой отец. Однажды он проиграл уйму денег, и не смог расплатиться по долгам. Один граф предложил ему выход. Он сказал, что если твой отец женится на его дочери, то граф оплатит все его долги. Но для этого твоему отцу нужно было развестись с твоей матерью. Когда твой малодушный отец там, на стене, сказал ей, что им нужно расстаться, несчастная, не задумываясь, бросилась вниз. А твой отец... Он был дурак, но он любил ее. Верь мне, он очень ее любил. И, раскаявшись, тоже кинулся вслед за ней... Если ты когда-нибудь полюбишь, то люби именно так, как любила твоя мать, мальчик. Люби до крайности».

Этот демон чем-то даже нравился Туфону, он кого-то ему напоминал... Но часто, слишком часто, приходили другие – безжалостные, циничные, завистливые. Они подговаривали то избить слугу, который якобы дерзко на него смотрит, то домогаться симпатичной служанки, потому что все графы так делают. Или же просто напиться вина до потери сознания. Со всем этим детской психикой было невероятно сложно справиться, но каким-то чудом Туфон не потерял рассудок и в конце концов привык жить с демонами.

– И какие они?

– Мерзкие, ваша светлость.

– Они говорят с тобой?

– Да.

– Что?

– Хотят, чтобы я делал разные гадкие вещи.

– И ты их делаешь?

– Нет, я не подчиняюсь демонам. Я привык не замечать их шепота и постоянно ищу свои собственные мысли. Но иногда это делать сложно... Иногда, когда мои мысли...

– ...совпадают с их мыслями?

– Да.

Обдумывая это, Маркус тщетно надеялся найти в себе присутствие демонов. Ему очень не хватало того, на кого можно свалить всю вину. Но в душе было тихо. Никого постороннего, только он сам и его грех. Однако мысли... Они, как непослушные дети, разбежались в стороны и делали, что хотели. Мозг вырабатывал их с невероятной скоростью и, видимо, ему было все равно, получают ли они чистыми, или же подлыми, низкими, бесстыдными. Мозг не имел морали, он не терпел тишины и не мог не думать.

Но душа, решил Маркус, на то ведь и есть у человека душа, чтобы отделять одни мысли от других. Хорошие от плохих. Выхватывать из груды производимых мозгом фраз именно те, которые тебе близки. И хотя мысли изменить нельзя, но можно направить их поток в нужное тебе русло. Да, именно так, нужно только подчинить себе течение мыслей, и тогда, когда их вода польется по чистой земле, она перестанет быть столь грязной. Осталось каким-нибудь образом сделать это. То, что нашелся хоть какой-то план действий, немного успокоило Маркуса.

– Но если твои мысли иногда совпадают с мыслями демонов, то это ведь еще не значит, что ты такой же, как они?

– Именно так я и считаю.

– Значит, вся задача демонов состоит лишь в том, чтобы ты решил, что их мысли – это твои собственные. Именно тогда они победят. Именно тогда ты исчезнешь, и останутся только они.

– Наверное, так и есть.

– Может ли быть, что всем нам демоны что-то нашептывают, но просто мы, в отличие от тебя, не видим их и потому не понимаем этого?

– Я никогда не думал об этом... Мне всегда казалось, что эта напасть мучает только меня.

– Поверь, это далеко не так...

В голове немного прояснилось, Маркус вновь ухватил ту нить, держась за которую можно было сквозь лес мыслей пробраться к своей собственной душе. Еще раз, до боли взглядевшись в ее яркое сияние, он убедился, что душа его, конечно, не идеальна, но и не так ужасна, как ему показалось. Кроме того, он вдруг отчетливо понял, что Сепатия лишь хотела, чтобы ему было хорошо, и делала для этого все, не сознавая, что приносит ему боль. Колдунья, он был в этом уверен, просто не знала, что показывает ему облик сестры. А он... Он тогда еще был слишком скован, слишком юн и стеснителен... Да и, возможно, хотел лишний раз увидеть сестру живой... Но все же... Все же всю ту ночь, закрывая глаза, он любил, со всей страстью желал – и до сих пор желает – только... Сепатию.

Только Сепатию. С души словно упал огромный камень. Только Сепатию. Теперь уже без омрачающих примесей перед глазами стояло одно лишь ее притягательное тело. И сердце вновь неистово забилося, разгорелось. Чтобы остыть, он сдвинул руками холодную могильную плиту. Это мало помогло. Кровь все еще была в виски. Тогда, сглотнув слюну, он не своим голосом спросил у Туфона то единственное, что могло отлечь его даже в такую минуту:

– Ты узнал, что с Рольтом?

– Нет, ваше высочество. Но я уверен, что он жив. Иначе Тануин повесил бы Рольта на главных воротах всем на обозрение.

– Жив? – сквозь дурман выхватил Маркус главный смысл его слов, и еще один камень упал с его души. Теперь она стремилась вверх, в небеса, и, казалось, может поднять за собой даже тяжелое человеческое тело.

– Конечно. Ведь многие не любят короля. Наверное, кто-то из них спрятал Рольта. Я уверен, он скоро объявится.

– Тогда... Тогда у меня будет для тебя задание. Нужно кое-кого привезти...

Глава 13

Очнувшись, Рольт долго не мог понять, где находится. Он лежал на скромной кровати в полутемной комнате. Все пространство за открытым окном занимало простершееся до горизонта зеленое море верхушек сосновых деревьев.

Закрыв глаза, он глубоко вдохнул. Свежий, лесной воздух бодрил и чуть кружил голову. Тело чувствовало страшную усталость, все мышцы ныли, и сильно болела левая щека. Рольт снова открыл глаза и огляделся: стены и пол выложены из грубого камня, у кровати тумбочка, на ней стакан с какой-то темно-зеленой жидкостью и подсвечник. Где он мог находиться? В замке? Но не было похоже, что его схватили и заточили сюда, потому что обстановка хотя и была простой, но не казалась тюремной.

Минувшие события шумным потоком ворвались в сознание, пробив какую-то мешавшую все вспомнить плотину, сколоченную из внутренней слабости. С большим трудом Рольт приподнялся и оглядел перебинтованную левую руку. Казалось, чем больше он на нее смотрел, тем сильнее рука болела. Чтобы избавиться от этого неприятного наваждения, он отвернулся к тумбочке, но от резкого поворота мышцы около левого глаза словно обожгло огнем. Насколько мог осторожно, он ощупал щеку. Что-то там определенно изменилось. Но насколько сильно? Порывшись, он нашел в тумбочке небольшое зеркало и жадно всмотрелся в свое заляпанное отражение.

Тонкая полоса шрама начиналась над бровью, затем наискось шла вниз через веко и, постепенно истончаясь, заканчивалась на щеке. Около шрама кожа побурела, старательно пытаясь восстановиться. Только какое-то чудо спасло его глаз. Увиденное вывело его из себя. Как можно было действовать так глупо? Кем он себя возомнил – богом?

Едва не разбив, Рольт швырнул зеркало в ящик тумбочки и откинулся на кровать, злясь на самого себя. Тщательно обдумав происшедшие события, он все больше удивлялся тому, что до сих пор жив. Тануин преподал ему важный урок по умению адекватно оценивать собственные силы. За это Рольт даже хотел сказать ему спасибо. Причем, желательно, лично. Но не сейчас, а тогда, когда найдет способ, как победить столь опытного противника.

И вдруг Рольт снова вспомнил, что все еще не знает, где находится. Что если он все-таки в руках мага-старика? Однако встать с кровати он так и не смог – силы до сих пор не восстановились. Еще немного полежав и поворочавшись на кровати, Рольт уснул.

Когда он снова проснулся, рядом сидел тот самый монах, облик которого был последним, что он помнил до потери сознания у ворот Ревендольфа. На старом лице было не так уж много морщин, но все они подчеркивали его добрый, любящий улыбаться вид. Припав ухом к груди Рольта, старик слушал его дыхание, чтобы понять, насколько улучшилось самочувствие больного.

– Это вы? – дружелюбно прикоснулся Рольт к старческому плечу.

– Это я, – ласково, с улыбкой сказал монах и, поднявшись, протянул ему миску с похлебкой.

Взяв ложку, Рольт с удовольствием дикого голода ел постную жижу, не замечая вкуса, но страстно желая насытиться. Тем временем монах уже наливал из кувшина вино.

– Ты был очень плох, поэтому я привез тебя в наш монастырь. Здесь здоровье быстро вернется к тебе.

– Зависит от того, – обжигаясь похлебкой, сказал Рольт, – как далеко мы от Тануина.

– Вы с ним поссорились? – спросил старик, поставив полную кружку на тумбочку.

– Можно и так сказать, – маг кивнул. – Мы с ним немного разошлись во мнении о том, как строить справедливое общество.

– Шутишь, – похлопал его по руке монах. – Значит, будешь жить.

– А вот в этом я не так уж уверен, – с удовольствием Рольт схватил с тумбочки кружку с вином и жадно прильнул к ней губами. – Где находится ваш монастырь?

– В Сивольском лесу.

– Это хорошо. А как давно я здесь?

– Четыре дня.

– Ого-го! Почему же люди Тануина до сих пор не схватили меня?

– Возможно, кто-то направил их не совсем туда, куда они хотели попасть, – лукаво улыбнулся старик.

– Прости мою эгоистичность. Я до сих пор даже не поинтересовался, как зовут моего спасителя?

– Верхе.

– А что это за здание, Верхе?

– Монастырь.

– Ты его настоятель?

– Как ты догадался?

– Не знаю... Мне всегда казалось, что настоятель монастыря должен выглядеть именно так, как выглядишь ты.

– Ты слишком хорошо обо мне думаешь.

– Проси меня, о чем хочешь, Верхе. Я никогда тебе не откажу.

Доброта, с которой к нему отнесся этот незнакомый человек, вызвала в Рольте самые теплые чувства. Верхе до боли в сердце напоминал ему Хартеха. Хотя монах не был столь же властным и сильным, он был настолько же беспричинно добр к Рольту.

– Сейчас мне бы хотелось только одного – чтобы ты полностью выздоровел. Для этого тебе нужно больше спать. Подожди минуту, я принесу сонный отвар. Еще пара дней, и мы поставим тебя на ноги.

Пока Рольт был прикован к постели, к нему в келью часто, сочувствующе здороваясь, заходили монахи. Спросив, не нужно ли ему чего, или угостив фруктами, или развеселив смешной историей из жизни, они не успевали надоесть и вскоре уходили, чтобы дать больному отдохнуть. Приветливые обитатели монастыря сразу понравились Рольту.

Глава 14

В самом центре Соретуса распростерлась Кильнейская республика – сильнейшее государство планеты, обычно просто называемое Республикой, потому что была одной такой. Ее могучие легионы год за годом расширяли границы страны, попутно подавляя любые бунты внутри нее.

Основной идеей Республики были ее граждане, которые через своих представителей управляют государством. Тот, кому повезло получить почетное звание гражданина, обретал все блага могучего государства. Остальные же люди, как внутри страны, так и за ее пределами, жили лишь для того, чтобы обеспечить их беззаботную жизнь.

Впрочем, не все граждане жили безбедно. Если ты не можешь принести пользу Республике, то ты ей неинтересен. Она лишь будет удерживать тебя от бунта бесплатным пайком и дешевым доступом к огромному количеству развлечений. Только крупным семьям, которые смогли скопить немалое состояние и давили друг друга в борьбе за власть, удавалось жить наиболее благополучно. Среди них обычно и выбирались сенаторы – люди управлявшие государством.

Короля в Республике не было, каждое серьезное решение должно было приниматься коллегиально на совещании сенаторов, но, в крайнем случае, власть временно могла быть передана избранному ими императору. Именно императором и желал стать Тогус. Все было спланировано заранее. На протяжении нескольких лет он оказывал услуги как Республике в целом, заслуживая авторитет у обычного народа, так и лично, нередко тайно, сенаторам, исполняя их причудливые прихоти.

Весть о том, что Тогус убил Совет, незамедлительно распространилась по всему Соретусу. Сенаторы сильно испугались, когда узнали, что Убийца Совета едет к ним в Балиум – столицу Республики. Им казалось, что маг попытается силой захватить власть в их стране. Как противостоять ему, они не представляли, а потому, тихо перешептываясь, поспешно занимали места в Сенате, чтобы выслушать гостя, который уже стоял на арене перед ними.

– Уважаемые сенаторы! Граждане! – пафосно раскинув руки, заговорил Тогус. Сидевшие на мраморных трибунах Сената, люди со страхом следили за каждым его жестом, словно боялись, что очередным взмахом руки он сожжет их всех прямо на месте. – До недавнего времени моему народу было невероятно трудно жить. Правившая нами кучка идеалистичных фанатиков не разрешала нам поступать так, как мы хотим. Они навязывали нам свой взгляд на жизнь, свои, чуждые нам идеалы, и требовали подчинения, подавляя любое инакомыслие. Судьи отобрали у нас самое дорогое – свободу, а в обмен дали лишь койку, паек и обещание скорого наступления прекрасного будущего.

Сделав несколько шагов вперед, Тогус возвысил голос:

– Но шло время, а будущее так и не становилось прекрасным! Наконец нам надоело ждать. Надоело верить их словам и идеям. И тогда я сделал то, что кому-то все равно пришлось бы сделать. Я вскрыл нарыв. Я убил Совет. Не ради себя, а ради своего народа. Я хотел, чтобы мои сородичи получили все те блага, которые вы, республиканцы, давно дали своим гражданам. Ибо я считаю, что только Республика имеет право называться справедливым государством и только ей должны подчиняться люди! Ваши предки нашли самую мудрую и достойную форму правления.

Пока маг сделал паузу, сенаторы одобрительно, хотя и без энтузиазма захолопали. Их успокаивало то, что Тогус хотя бы старался соблюдать внешнее приличие при помощи красивых слов. Он не был похож на мясника, который собирается узурпировать власть, чтобы устраивать ежедневные казни неугодных, или что-нибудь в таком духе, как это обычно бывает с предателями, дорвавшимися до власти. Успокоившись, люди стали слушать его еще внимательнее.

– Так почему же вы медлите? Почему перестали нести свет справедливости другим странам и застыли в нерешительности? Несчастные жители каждого из королевств Соретуса с нетерпением ждут, когда Республика поможет им обрести цивилизацию и свободу! Не так давно вы дали мне звание гражданина. И, как гражданин, я считаю, что теперь могу помочь *своей стране* – ибо именно таковой я считаю Республику. Я могу помочь той сильнейшей магией, которой владею, – этот момент особенно напугал и заинтересовал сенаторов. – Вместе мы укрепим, обновим и расширим нашу страну! В ней будут на равных жить и куты, и маги. Мы, маги, можем многое дать вам, а вы – нам. Только представьте, что будет, если вместо вражды и стремления подчинить друг друга, мы объединимся, чтобы увеличить славу Республики!

Невозможно было не поверить этому твердому, сильному духом человеку, говорившему столь пламенно и увлеченно. Сами того не замечая, сенаторы хлопали все громче. Все они понимали, что сейчас будет невозможно выжить без сильного мага-союзника. С каждым новым словом Токус казался им все более и более подходящим кандидатом на эту роль.

– Мы искореним произвол магов, будем судить тех из них, кто посягнет на жизнь, свободу или имущество кутов. Мы будем судить их точно так же, как обычных кутов. Закон будет един для всех. Каждый из магов, который захочет помогать нам на войне или в мирной жизни, получит право стать полноправным гражданином. Когда мы объединимся под властью мудрого Сената, Республика, освобождая все угнетенные народы, распространится по всему Соретусу!

Повскакивав с мест, сенаторы усиленно зааплодировали, выкрикивая: «Браво!» Маг, готовый ради кутов бороться с другими магами, был именно тем, кто нужен, чтобы быть уверенными в собственном будущем. Поскольку из провинций все чаще приходили сведения о безнаказанных бесчинствах магов, Сенат постоянно собирался, обсуждая, что делать с этой проблемой. Но ни разу сенаторы не смогли найти подходящего выхода из сложной ситуации, использовать такое решение, которое можно было бы применить в масштабах всей страны. Им как раз не хватало мага, который бы мог приструнить своих сородичей, и Токус знал это. Именно потому он и не торопился покинуть Зерет – чтобы дать сенаторам прочувствовать всю опасность, исходящую от оставшихся без контроля магов.

– Вы и без меня понимаете, что сейчас наступают непростые, опасные времена. Старый закон рухнул, а чтобы построить новый, нужна твердая рука. В ближайшее время Соретус будут сотрясать бесконечные войны. А чтобы победить на войне, у армии, как известно, должен быть один командир. Поэтому я прошу вас: дайте мне на время – только на время – титул императора, и я брошу к ногам Сената весь мир!

Обступив Тогуса, сенаторы ликовали, готовые чуть ли не носить его на руках. Их решение было ясно и без голосования. Вновь не запачкав рук, Токус одержал победу. Каждый шаг им был давно продуман, и пока все шло именно так, как он того хотел.

Тем временем Ланта изучала город. Ее душе было холодно и одиноко. В последние дни девушка стала понимать, что Токус ей вовсе не нравится. То, что она испытывает к нему, невозможно назвать любовью. Его мужская сила, которая поначалу так ее привлекала, теперь не вызывала в Ланте никаких чувств. Жестокость Тогуса в обращении с ней все чаще больше раздражала девушку, чем приносила удовольствие. Чувство защищенности за его крепкой спиной вдруг стало казаться бессмысленным, оберегающим тело, но ничего не дающим душе. Ей стало мало безопасности, захотелось чего-то большего.

Желая развеяться, Ланта бродила по узким улочкам Балиума, который прослыл не только столицей Республики, но и столицей разврата. Девушке безумно хотелось развеяться и забыться, не думать ни о чем, особенно о том, что произошло в последнее время.

Около фонтана с пантерами, изо рта которых били струйки воды, к Ланте подошла накрашенная девушка в желтом платье с корсетом, который, казалось, совсем не был нужен ее молодой, правильной фигуре. Поставив руку под струю фонтана, она с интересом спросила:

- Чего ищете, леди?
- Сама не знаю.
- Может, я подскажу?
- Как тебя зовут?
- Криста.
- Скажи, Криста, ты часто думаешь о своей жизни?
- Нет, леди. В жизни столько удовольствий, зачем тратить время на размышления?
- Научи меня.
- Чему? – удивилась Криста.
- Как не думать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.